

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Н. А. Шехтман

ОТ ПОВЕСТВОВАНИЯ К ГИПЕРТЕКСТУ
И НАРРАТИВУ

Монография

Оренбург
Издательство ОГПУ
2014

УДК 81'42

ББК 81

Ш54

Рецензенты

К. И. Симонов, кандидат филологических наук, доцент
кафедры романо-германской филологии ОГПУ

С. В. Мангушев, кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой английского языка и методики преподавания
английского языка ОГПУ

Шехтман, Н. А.

Ш54 **От повествования к гипертексту и нарративу** : моно-
графия / Н. А. Шехтман ; Мин-во образования и науки РФ,
Оренб. гос. пед. ун-т. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014.
— 148 с.
ISBN 978-5-85859-570-0

Монография посвящена описанию результатов анализа
трех видов текста: повествования, гипертекста и нарратива. Ис-
следование проведено с учетом достижений антропоцентриче-
ской лингвистики. Книга адресована преподавателям, научным
работникам и аспирантам.

ISBN 978-5-85859-570-0

© Шехтман Н. А., 2014
© Оформление. Изд-во ОГПУ, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
Введение	5
Гипертекст и семантическое обновление текста	8
Диалог читателя с научным и художественным текстами	22
О роли гиперссылок в комментариях к научному и художественному текстам.....	33
Гиперпространство базы данных и гипертекст	43
Метаязыковые функции гипертекста	50
Эволюция парадигм и представление информации в гипертексте	58
Старение гипертекста как гносеологическая проблема	63
Необходимое и достаточное в гипертексте, или комментарий к комментариям	69
Семантическая напряженность текста и его понимание	80
Коммуникативные неудачи и роль гипертекста в их нейтрализации.....	86
Выводные знания — компонент смысловой структуры текста	94
Повествование и нарратив	100
Между традицией и экспериментом: коммуникативные особенности нарратива.....	112
Языковая репрезентация категории времени в повествовании и нарративе	114
Список использованной литературы	125
Приложения	134

ОТ АВТОРА

Эта монография посвящена проблемам коммуникации и факторам, призванным обеспечить ее эффективность. Автор видел свою задачу в том, чтобы дать систематический анализ междисциплинарных свойств гипертекста и использования техники его создания в нарративных практиках. Тем самым будут продемонстрированы тенденции развития гипертекста (ГТ), его роль в процессах понимания речевых произведений, с одной стороны, и его влияние на возникновение нарратива как особой формы смыслопорождения — с другой. ГТ соотнесен с такими феноменами, как знание и интерпретация различных высказываний. Предложена типология сопоставительного анализа трех разновидностей речевого произведения: повествования, гипертекста и нарратива, выстраиваемая на основании ограниченного числа их объективных свойств: (не)линейность, логическая (не)предсказуемость, фрагментарность/целостность и стратегия прочтения. ГТ соотнесен с такими феноменами, как знание и интерпретация различных высказываний.

Написание этой монографии было бы невозможно без привлечения большого количества примеров из художественных и научных произведений. В этом неоценимую помощь мне оказала моя дочь, Элина, за что выражаю ей самую искреннюю признательность.

ВВЕДЕНИЕ

После чрезмерного увлечения системностью изучаемых в лингвистике и литературоведении объектов, когда семантическая определенность является их основным достоинством, стала естественной тяга к демонстрации отказа от системы в содержании и форме, чему способствовало усиление взаимодействия пользователя с компьютером. Произвольное ассоциирование, интертекстуальность стали предметом исследования не только в литературоведении, но и в лингвистике, которая изучает взаиморасположение деталей художественной формы и их роль в воссоздании внеязыкового содержания. Стремление отбросить диктат предустановленных правил и норм, расцвет альтернативных форм изложения продиктованы тем обстоятельством, что мир смысла не линеен.

Все то, что не укладывается в структуру рассказов и повествований, дает толчок возникновению и развитию других форм, в частности гипертекстов и нарративов.

Начало изучения нарративов приходится на конец 60-х гг. XX века, но сами нарративы создавались значительно раньше.

Индивидуальность взглядов на окружающий мир и способов его репрезентации порождает речевые произведения трех типов: повествование, гипертекст и нарратив.

В работе приняты следующие определения:

повествование — это рассказ, сообщение о событиях в том порядке, в каком они происходили, оформленные в виде предложения или связанной последовательности предложений, в конкретной экстралингвистической, речевой ситуации;

гипертекст (ГТ) — нелинейный набор гипотекстов, интегрирующий информационные ресурсы и содержащий узлы перехода от одного гипотекста к другому, позволяющие пользователю избирать последовательность их усвоения (см. приложение 1);

нарратив — речевое произведение, в котором описываемые реальные или вымышленные события и ситуации не предполагают друг друга и не следуют одно из другого, что вытекает из отсутствия организующего центра (см. приложение 2). При этом под событием понимается «аморфная совокупность ситуаций, персонажей и действий, поддающаяся бесконечному пространственному расширению, бесконечному временному прослеживанию в прошлое, бесконечному расчленению внутрь и подвергающаяся бесконечной конкретизации» [Шмид, 2003, с. 158]. Событие предполагает наличие субъектов, объектов и отношений между ними в рамках смысловых ситуаций.

Предлагаемое понимание нарратива противопоставлено определению, которое было предложено в конце прошлого века В. Лабовым: «Один из способов репрезентации прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, которые передают временную последовательность событий» [Labow, Waletzky, 1997, p. 158]. При таком подходе грань между повествованием и нарративом стирается.

Статус выделенных типов речевых произведений предполагает наличие в каждом из них своих предельных единиц. Единицей повествования является высказывание, гипертекста — структурная схема гипотекста или статьи-комментария, единицей нарратива является относительно законченное информационное и структурное целое, самодостаточный коммуникативный фрагмент, основная идея которого может быть словесно воспроизведена в качестве готового целого вне зависимости от контекстуального окружения.

Повествование обладает семантической, прагматической и грамматической связностью и цельностью в информационном, структурном и коммуникативном планах. Повествовательная стратегия текста — это такой способ изложения событий и сопутствующих обстоятельств, при котором причинно-следственные, темпоральные, локальные связи и

логичность изложения обязательны. Сюжетная линия строится автором. Линейный способ передачи информации в повествовании соответствует поступательному движению мысли. Для всех повествовательных текстов общим является начало события (завязка), развитие события, конец события (развязка).

Классические формы социального взаимодействия основаны на соответствии образцам как основе передачи опыта. В повествовании слышен голос автора.

Он обеспечивает логическую и временную последовательность событий, их пространственные рамки, связи между персонажами. В традиции культурные и социальные структуры устойчивы, синтагматически смежные фрагменты текста характеризуются внешней и внутренней совместимостью, предсказуемостью и проспективностью. «Можно предположить, что существуют — на уровне сюжетного построения и реальной текстовой ткани — некие обязательные связи и импликации, еще не изученные литературоведами. То есть: если говорится о том-то, то сюжет будет таким-то, и в нем обязательна судьба таких-то героев, и будут такие-то и такие-то литературные отступления, и даже вставные эпизоды уже будут predetermined» [Николаева, 2004, с. 507]. Характеристикой рассказа как лингвистического выражения повествовательных моделей является зависимость от ближайшего контекста. «Не может быть изолированного высказывания. Оно всегда предполагает предшествующие и следующие за ним высказывания <...>. Оно только звено в цепи, и вне этой цепи не может быть изучено» [Бахтин, 1979б, с. 340].

Однако в центре нашего внимания находятся нарративы как последовательности сохраняющих свою формальную и семантическую самостоятельность фрагментов вне зависимости от предшествующих и последующих фрагментов (см. раздел «Повествование и нарратив»).

ГИПЕРТЕКСТ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ТЕКСТА

Текст как фиксированный набор лексических единиц и порядок их следования формально замкнут. Несмотря на свою герметичность, он не имеет одного раз и навсегда застывшего смысла и допускает разные понимания. Текст способен менять свое содержание, не меняя форм его выражения. В отличие от научного текста и прописных истин, которые трактуются всеми одинаково и исключают субъективность восприятия — их содержание сводится к последовательности значений лексических единиц, — художественный текст зиждется на субъективности интерпретации. Содержательная неопределенность, энтропийность текста соотносится с его самобытностью, оригинальностью: чем больше неопределенности, тем интереснее текст. Об отсутствии одно-однозначного соответствия между физической данностью текста и пониманием его содержания неоднократно писали многие исследователи. По мысли Г. П. Щедровицкого, «в одном и том же тексте разные люди находят различный смысл» [Щедровицкий, 1974, с. 12]. Число возможных толкований разными читателями умножается вариантноностью заложенных в тексте смыслов. На то, что «текст — это воплощенная множественность смысла, не просто допустимая, а неотвратимая множественность», указывал и Р. Барт [Барт, 1989, с. 284], см. также [Лотман, 1972, с. 271; Гессе, 1990, с. 238; Рубакин, 1929, с. 5].

Осмысление художественного произведения — процесс, имеющий начало, но не знающий конца. Отсутствие одних ассоциаций и параллелей компенсируется другими, выдвигаемыми на первый план новым опытом, новым временем. С одним и тем же фактом действительности разные читатели связывают разные смыслы: для одного буря — предвестник революции, для другого мощь природы, для третьего — сцена из трагедии Шекспира.

Изменения в понимании одной характеристики текста неизбежно влекут за собой изменения в других характери-

стиках. В более широком и более позднем контексте текст начинает отвечать на вопросы, которые ранее никто не задавал. Вопросы задаются тексту разными людьми в разные эпохи в разных условиях. Так читатель приходит к пониманию того, чего раньше в тексте, как казалось, не было. То, что казалось бессмысленным на первом этапе восприятия, может получить смысл на следующем. Создается смысл текста, который позже также подвергнется семантической трансформации. Когда утверждают, что произведения Шекспира актуальны и сегодня, имеют в виду созвучие старых идей новой эпохе. Произведение прошлого обретает новую жизнь. Новое в прочтении текста может возникнуть в результате установления связей между феноменами, которые ранее не устанавливались. «Времена меняются, вкусы борются, эстетические идеалы колеблются; наступит пора, когда новое поколение захочет увидеть нового Шекспира, в котором главным будет то, что Маршак считал третьестепенным» [Автономова, 1969, с. 112]. Еще показательнее в этом плане высказывание А. Франса: «То, что грядущее будет ценить в нас, показалось бы нам совершенно чуждым» [Франс, 1937, с. 290].

Возникает вопрос: должны ли мы стремиться к тому, чтобы произведение осмысливалось исключительно в рамках первоначального контекста? Историческая интерпретация текста может быть не равна его интерпретации современным читателем. Сегодняшний зритель «Чайки» А. П. Чехова в отличие от его современников не устанавливает связи с «Дикой уткой» Г. Ибсена. Означает ли это обстоятельство, что мы в чем-то «проигрываем» современникам Чехова? (Здесь мы не уделяем внимания анализу различий между концептами *понимание*, *осмысление* и *интерпретация*, хотя в некоторых случаях они могут быть достаточно существенными и вернее было бы утверждать, что понимание — это процесс для себя, а интерпретация — процесс для другого.) Ответ на поставленный вопрос должен быть отрицательным.

Количество прочтений текста теоретически непредсказуемо, однако множественность интерпретаций сдерживается объективно существующими компонентами текста [Арнольд, 1999, с. 345] — фонеморфологическим строем, подбором лексических единиц, синтаксисом и пунктуацией.

Накопленный эмпирический и теоретический материал дает возможность сформулировать некоторые причины вариативности понимания текста, несовпадения авторских интенций и читательского прочтения замысла.

Содержание текста создается в момент чтения, при этом, как подчеркивал В. Гумбольдт, «никто не понимает слов в точности, как другой. ... Всякое понимание поэтому есть вместе с тем и непонимание» [Гумбольдт, 1984, с. 84].

Вид и объем усваиваемой информации зависят от творческой активности пользователя: будучи интерактивным, читатель сам выбирает путь чтения, создавая свой текст. Таким образом, содержанием текста становится не только написанное автором, но и то, что получилось в результате совместной работы автора и его соавтора — читателя. Именно в этом плане можно говорить о семантическом обновлении текста (Р. Барт предпочитал говорить о деструкции текста [Барт, 1989, с. 284]).

Понимание смысла текста происходит в некотором пространстве, рамки которого и диахронически, и синхронически изменчивы, поэтому другой причиной многовариантности восприятия текстового смысла является темпоральная и локальная дистанции между автором текста и его читателем. Восприятие смыслов, которые ранее оставались незамеченными, закономерно: чем дальше текст удален от читателя, тем труднее его понять в связи с изменениями лексических значений слов, их ассоциативных полей, идеологических коннотаций и другими подобными факторами. Наличные знания подготавливают будущие интерпретации смысла. Происходит переключение с одного содержания на другое. Текст — предмет рефлексии над его смыслом; восприятие содержания текста никогда не бывает полным

и окончательным: мы воссоздаем текст или видоизменяем его содержание в соответствии со своими знаниями, а когда их недостаточно, мы не в состоянии его воссоздать (непонятый анекдот, каламбур). Изменение (в том числе и приращение смыслов) возможно только при наличии читательской эрудиции.

Заведомая многозначность результата, некоторый эклектизм перестают быть отрицательными свойствами того, что воспринято читателем, субъективность толкования перестает быть пороком. (Существует, однако, опасность оказаться в положении слепых из индийской сказки: несколько слепых, пытаясь составить представление о слоне, ощупывали каждый одну его часть — ноги, хобот — и сравнивали ее с известными им предметами (колоннами, веревкой и т.п.) Сам слон, невидимый для слепых, состоит из присущих ему частей тела, которые вполне складно присоединены друг к другу. Нескладным окажется существо, составленное из тех предметов, в виде которых представились слепым разные части его тела.)

Важно различать амбивалентное содержание текста или слова, задуманное как таковое (как, например, в импликации собственного имени ХАРМС, которое, по замыслу самого писателя Д. И. Ювачева, должно было обозначать и франц. «шарм» и англ. «вред»), с одной стороны, и субъективность его осмысливания и переосмысливания разными читателями — с другой. Их семантические горизонты пересекаются всякий раз по-новому и порождают новые смыслы. Один из них поймет слово в его основном значении, другой — в производном. Семантические горизонты читателей пересекаются всякий раз по-новому и порождают новые смыслы, подсказываемые ассоциативными рядами воспринимаемых лексических единиц.

Состав и точность данных, которые необходимы разным читателям об одном и том же объекте, будут существенно различаться в зависимости от языковой компетенции и культурного уровня гипотетического пользователя, его об-

разовательного, возрастного и социального статусов, от его тезауруса, а также от особенностей описываемого объекта. Помимо лингвистической организации содержания реципиент воспринимает в меру своих эмпирических и интеллектуальных возможностей заключенные в нем энциклопедические сведения о том, что стоит за текстом в реальном мире. С мыслью Г. В. Степанова о том, что «содержание только передается при помощи языка, но находится вне его» [Степанов, 1980, с. 203], можно согласиться лишь отчасти: семантические и прагматические интенции автора обнаруживаются прежде всего в поверхностной структуре — в подборе лексических единиц и их аранжировке. Созданный автором план выражения, оставаясь неизменным для разных читателей в разные времена, дает основания для нескольких содержательных интерпретаций в зависимости от меры сопряженности тезаурусов адресанта и адресата. Знания о положении дел в реальном мире, представленные в тексте, т.е. смысл текста, никогда не определяются лишь им самим: читатель не просто созерцает текст, но еще и устанавливает связи между его единицами, между текстом и другими текстами. При этом разные читатели делают это по-разному.

Сам читатель постоянно меняется: аккумулируются новые знания, его опыт обогащается, он становится более искушенным. В результате могут возникнуть несоответствия между ожиданиями читателя и обновленным содержанием текста. Вот почему нам хочется перечитывать по-настоящему самобытные произведения. Но если многозначность слова может быть смоделирована в словаре, то вряд ли, однако, возможен «словарь анализа», который бы обеспечил «все мыслимые прочтения данного текста» [Апресян, 1995, с. 39].

Разные понимания текста дополняют друг друга, наслаиваясь одно на другое, создавая единое целое, которое имеет и онтологическую, и гносеологическую ипостаси. Существует мера вероятности нашей правоты в предложенных интерпретациях.

Одним из инструментов снятия неоднозначности текста и его возможной неопределенности является гипертекст (ГТ). Как линейно организованный объем нелинейных политематических комментариев, он интегрирует непере-секающиеся информационные ресурсы, между которыми при необходимости могут быть установлены перекрестные ссылки: это информационная модель тезауруса такого пользователя, который может максимально приблизиться к отображению коммуникативных интенций автора текста. Соединяя языковые и социокультурные феномены, ГТ связывает внутренние компоненты текста с чем-то внешним по отношению к нему. Как совокупность взаимодополняющих комментариев к исходному тексту, статьи ГТ, в соответствии с принципом дополнительности Н. Бора, создают семантическое пространство, единое в том смысле, что оно предопределено комментируемым текстом. Принцип Н. Бора гласит: «Как бы ни были велики контрасты, которые обнаруживают атомные явления при различных условиях опыта, такие явления следует называть дополнительными в том смысле, что каждое из них хорошо определено, а взятые вместе они исчерпывают все поддающиеся определению сведения об исследованных объектах» [Бор, 1961, с. 124]. Сам Н. Бор популярно излагал принцип дополнительности на примере «Ста видов Фудзи» художника К. Хокусаи: каждое изображение дает отрывочное, неполное впечатление о горе. Полное впечатление возникнет, если сложить в нашем сознании впечатления от всех изображений.

Информационное и многокомпонентное богатство ГТ открывает Читателю доступ к необозримой массе сведений, настолько необозримой, что он вынужден отбирать то, что, с его точки зрения, ему необходимо, а что избыточно. ГТ предполагает гибкие стратегии выбора из широкого и нестабильного круга меняющихся возможностей. Имея дело не только с текстом, но и с многочисленными комментариями к нему, читатель постоянно принимает решения относительно того, нужно ли ему знать содержание всех

комментируемых единиц, ограничиться комментариями, которые содержатся в тексте в виде подсказки («Я вспомнил о «бритве Оккама»: из многих версий выбирай простейшую» [Фаулз, 1993, с. 124]), или выйти за его пределы в область ГТ.

ГТ приспособливает текст к современному читателю, к его среде, связывая его с предшествующими состояниями знания. Каждый реципиент, черпая из гипертекста ограниченное, существенное с его точки зрения число информационных ресурсов, создает для себя свой текст, который может оказаться перегруженным для одного, но недостаточным для другого. Работая с ГТ, читатель заходит в процессе понимания настолько глубоко, насколько это ему необходимо: либо не заглядывает в комментарии вовсе, либо заглядывает, но пренебрегает перекрестными ссылками. У него в любой момент может возникнуть потребность пополнить свой тезаурус, получить из ГТ дополнительные знания, ответы на вопросы типа: в каком жанре написано произведение, к какой эпохе оно относится и т.п.

Взаимодействуя с ГТ, реципиент получает возможность вырваться из плена только своих представлений, а возможно, и заблуждений и незнания, в более богатый и информационно насыщенный мир. Являясь связующим звеном между текстом и гипертекстом, реципиент реализует право на субъективное спонтанное восприятие и по своему усмотрению использует возможности доступа к необъятным ресурсам ГТ, который обогащает и текст, и читателя. ГТ — это путь к интеллектуальному богатству, многовариантности понимания, вплоть до существенно отличных интерпретаций одного и того же текста. ГТ призван преодолеть временную дистанцию между старым текстом и современным читателем. Каждый читатель создает для себя благодаря ГТ свой текст.

Работу с гипертекстом можно уподобить зэппингу (англ. *zapping*). (*Zapho* — фамилия инженера, который в 1988 г. изобрел пульт дистанционного управления — *remote*

control.) Так в США называют перескакивание с телевизионного канала на канал с целью получения максимального количества зрелищной информации, когда зритель становится активным участником ее создания. Чем больше каналов, тем разнообразнее результаты восприятия и осмысления видеоряда. Пульт создал способ преодоления механического восприятия. Благодаря постоянному стремлению к новизне телезритель, зная, что видеоряд поддается любой трансформации, не хочет быть пассивным наблюдателем. Индивидуальное итоговое изображение монтируется телезрителем, он один решает, что и в какой последовательности ему смотреть в соответствии со своими вкусами и пристрастиями. Зэппинг становится характеристикой языковой личности. Он противопоставлен герменевтике, которая истолковывает сказанное другими, тогда как зэппинг сам «сказывает» предмет истолкования.

Преобразование текстовой информации в знания субъекта может быть успешным в случае тематической, жанровой, лингвистической согласованности автора и читателя, который, воспринимая текст, в соответствии со своими возможностями интерпретирует синтаксические конструкции, значения слов, авторские намерения и денотативно-ситуативный уровень текста в целом.

В своей работе «Бахтин, слово, диалог и роман» Ю. Кристева отмечает, что М. М. Бахтин был одним из первых, кто предложил модель, в которой вместо статического членения текстов литературная структура «не наличествует, а вырабатывается» по отношению к другой структуре. Литературное слово — не точка (устойчивый смысл), но место пересечения текстовых плоскостей, диалог различных видов письма — самого писателя, получателя и письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом» [Кристева, 2000, с. 427—428].

Участники коммуникативного акта должны иметь общую историю, определяемую принадлежностью к одной социальной группе: сюда относятся система их мировоз-

зренческих взглядов, этических оценок, эстетических вкусов и — самое главное — большая часть их знаний [Верещагин, 1969, с. 15, 13]. Чем больше парадигмальных различий в картинах мира адресанта и адресата, тем вероятнее потребность в ГТ.

Всякое последующее чтение речевого произведения, будь то следующий абзац или вторичное прочтение, предопределено тем, что уже прочитано данным читателем, его индивидуальностью и фоновыми знаниями. Повторное прочтение текста (с комментариями и даже без них!) наслаивается на уже существующее представление о содержании по принципу палимпсеста. Помимо прочего этому будут способствовать модификации и пополнения в ГТ благодаря новому знанию, с одной стороны, и пересмотру, уточнению существующих комментариев — с другой.

Изменения в понимании особенно значительны в исторической ретроспективе. Происходит переоценка ценностей, движение в концептах: в современном толковании «шовинизма» как крайней формы национализма оказался забытым первоначальный смысл призыва солдата Н. Шовена к единению «Мы же все французы!». Переосмысливаются и коннотации лексических единиц, меняется их ассоциативное поле: в «Марсельезе» есть слова: «К оружию! ...Вперед! Не допустим нечистой крови у нас на земле!» (подробнее об этом см. [Бакина, 2000, с. 113]). Тем не менее никаких националистических ассоциаций у современного слушателя «Марсельеза» не пробуждает.

При этом длина текста и длина гипертекста взаимно не связаны: к очень короткому тексту может быть длинный комментарий, и наоборот. (В данном случае имеется в виду не предоставленный автором или издателем комментарий, а комментарий как результат работы читателя с ГТ.)

Чем больше единиц исходного текста прокомментировано, тем чаще возникает потребность заглянуть в ГТ, тем эффективнее снимается неопределенность его восприятия. Переход от неопределенности к определенности образует

новую информацию. По мере углубления в ГТ потребность в нем возрастает, а количество вариантов дальнейшей работы с ним не сокращается. И хотя между отдельными комментариями нет ни причинно-следственной, ни семантической связи, их направленность на определенный участок реального мира ограничивает возможности дальнейшего выбора.

Понимание текста зависит от того, в какой форме представлена информация. Некоторые авторы стремятся максимально облегчить читательскую задачу с помощью внутриязыкового перевода лексических единиц (*a rendezvous — a place appointed for a meeting*), лирических отступлений (таков Ч. Диккенс), другие, наоборот, рассчитывают на умение и готовность читателя интеллектуально напрячься и извлечь удовлетворение из самого акта такого напряжения. Следовательно, чтение и понимание художественного текста предполагает напряженный труд и сотворчество, что неоднократно подчеркивалось М. М. Бахтиным, Е. Г. Эткингом, И. В. Арнольд, В. Асмусом, который, в частности, писал: «Содержание художественного произведения не переходит — как вода, переливающаяся из кувшина в другой, — из произведения в голову читателя — по ориентирам, данным в самом произведении, но с конечным результатом, определяемым умственной, душевной деятельностью читателя» [Асмус, 1961, с. 17, 42].

Ориентацию в структуре содержания текста читателю дают либо автор, либо комментатор, либо издатель (в виде предисловий и послесловий), исходя из социальных, психологических, когнитивно-ролевых представлений об адресате. Активное сознательное влияние на восприятие и понимание читаемого, заботу автора о читателе я продемонстрирую на примере научного текста; в предисловии к [Николис, Пригожин, 1979, с. 24—25] авторы предлагают несколько способов чтения монографии: «Для читателей, интересующихся приложениями (например, химикам-экспериментаторам, биологам, социологам), часть 1 наряду с

главами 5, 6, 7 дадут достаточную основу для изучения частей 4 и 5; интересующиеся общей теорией должны прочесть главу 7. Таким читателям необязательно вникать во многие детали глав 14, 15 и 17». (М. Павич в одном из своих интервью радиостанции «Свобода» сравнивал процесс чтения пьесы «Вечность и еще один день» с рассмотрением ресторанного меню: читателю предлагается одно главное блюдо, а «закуску» и «сладкое» читатель должен выбрать сам из предложенных автором трех прологов и трех эпилогов к пьесе.) Чем больше программ прочтения, тем своеобразнее результаты. Чтение с ориентирами и без них — два различных вида умственной деятельности, определяемых не столько самим текстом, сколько наличными комментариями, поэтому они приводят к различным результатам.

Неоднозначность текста может быть преднамеренной. Об этом свидетельствует следующее наблюдение Р. Станилова о квартирном вопросе в американской эмигрантской среде. Из его очерка «Письма из отеля St. George» мы узнаем, что раздел «недвижимость» в американских газетах читается как зашифрованные романы У. Эко: «уютная квартира» значит маленькая, «очаровательная» — дыра, «требует косметического ремонта» — разваливается по частям, «недооцененный район» — стреляют по вечерам и т.д. [Станилов, 2000, с. 19]. Возможны и совсем маргинальные (т.е. разделяемые очень узким кругом лиц) сведения.

Правда, встречается и прямо противоположный подход: в своем предисловии к «Поэме без героя» А. Ахматова пишет: «До меня доходят слухи о превратности и нелепых толкованиях «Поэмы без героя». И кто-то даже советует мне сделать поэму более понятной. Я воздержусь от этого. Никаких третьих, седьмых и двадцать девярых смыслов поэма не содержит. Ни изменять ее, ни объяснять я не буду» [Ахматова, 1989, с. 446].

Вряд ли можно согласиться с утверждением А. Ахматовой об отсутствии смыслов, отличных от замысла автора по-

эмы, особенно если принять во внимание, что и сама А. А. Ахматова признавала «тайну», нечто зашифрованное в «Евгении Онегине» [Ахматова, 1970, с. 176].

Таким образом, текст поливалентен благодаря своим связям с опытом разных читателей, с другими текстами; происходит семантическое и синтаксическое обновление текста: до обращения к ГТ мы имели дело с единством, связностью, цельностью, непротиворечивостью исходного текста. Работа с ГТ, с разнородностью его компонентов описывает результат терминологически теми же категориями, но содержательно они становятся иными. Текст имеет первоначальный смысл, позднейшие эпохи привносят эстетические, социокультурные наслоения. Это приводит к созданию текста, который отличен от полученного по первому впечатлению: устанавливаются новые связи между элементами структуры и содержания, от этого меняется объем и глубина понимаемого, происходит переориентация читателя в мире информации. Консультации с ГТ создают более насыщенный текст: смысловое обогащение создается воображением читателя, который может вскрыть в содержании то, что в нем было и ранее, но до поры до времени было скрыто от читателей. Внезаходимость читателя по отношению к тексту предполагает творческое отношение к содержанию текста: если форма текста зафиксирована раз и навсегда, то этого нельзя сказать о его содержании. Приращение смысла — результат постановки новых вопросов и установление новых связей как внутри текста, так и с новыми текстами и гипертекстами, что создает информационно новый объект.

Знание организуется в ГТ. С другой стороны, ГТ поддается структурной схематизации.

Он бывает представлен в двух модификациях — в виде синонимических именовании одного референта (навигация — маршрутизация, randevу — свидание) и в виде разветвленной синтаксической структуры, которая служит семантической разверткой первого способа, например: су-

ществительное с его определениями + определительное при-
даточное, предложение + причастный или деепричастный
оборот + инфинитивный оборот + предложная конструкция
в роли обстоятельства цели [Шехтман, 2005б, с. 5]. Совокуп-
ность гипертекстов к одному произведению создает гипер-
пространство базы данных, в которой важнейшими компо-
нентами являются ноосфера и инфосфера.

Как известно, ноосфера (греч. noos — разум) как общая
для всего человечества сфера разума — это единство при-
роды и культуры. Самым существенным ее компонентом
является инфосфера, т. е. информационная среда, в контакт
с которой вступает пользователь как представитель вос-
принимающей среды с целью идентифицировать неизоли-
рованные объекты и устанавливать связи между ними. Ин-
фосферу характеризует процесс накопления информации,
воспринимающую среду — ее осмысление. Процессы на-
копления информации (информационный взрыв) явно опе-
режают процессы ее осмысления. Несоответствие между
новыми фактами и старыми способами их объяснения от-
деляет инфосферу от воспринимающей среды.

Информационная среда воплощена в текстах (в самом
широком понимании этого термина), гипертекстах, базах
данных (БД), которые стимулируют рефлексию о знании
как основной составляющей инфосферы. Знание — это по-
стижение действительности сознанием. Пользователю важ-
но осознавать роль компонентов иерархии:

ноосфера :: инфосфера (информационная среда)

инфосфера :: база данных (лексикон идей и понятий)

база данных :: гипертекст

гипертекст :: воспринимающая среда.

На практике точкой отсчета в процессе освоения ин-
формационных ресурсов является воспринимающая среда.
В тексте есть лексические единицы, описывающие темати-
ческие, хронологические и географические рамки и созда-
ющие воспринимающую среду. Они позволяют предсказать
определенные черты еще не активизированных в сознании
и памяти реципиента частей текста.

Так, например, реалии *татами, кимоно, харакири* сформировали в инфосфере русского читателя представление, однозначно отсылающее к целым контекстам и определяющее дискурс (в нашем примере — японский), в котором должен разворачиваться контент, что является результатом семантического взаимодействия и синтаксического согласования компонентов высказывания с тезаурусом воспринимающего. Аналогичным образом появление в тексте существительных *browser, interface, hypertext* свидетельствует о том, что перед нами текст по информатике. Однако такое однозначное отнесение текста к той или иной предметной области на основании лексических единиц необязательно. Одной языковой репрезентации могут соответствовать несколько фрагментов действительности («ставка» — в казино и в учебном заведении). Возможна и противоположная ситуация: один фрагмент действительности — несколько репрезентаций («петербургский текст» в произведениях А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя). Или другой пример: если «покер», «понтировать», «прикуп» указывают на карточную игру, то «риск», «удача» с большей долей вероятности указывают и на карточную игру, и на биржевую сферу. Возможны разные направления перемещения слов из одного дискурсивного пространства в другое: от общего к частному, от рода к виду, от целого к его части и некоторые другие.

Базы данных как структурированные наборы информационных блоков, описывающих характеристики какой-либо физической или виртуальной системы, являются результатом интеграции знания. Они служат способом представления смысла и распределены между различными языковыми единицами, которые ориентируются на реальность, требующую осмысления ее знакового воплощения. Поэтому о базе данных можно говорить лишь тогда, когда она находит лингвистическое выражение в диалоге читателя с текстом.

ДИАЛОГ ЧИТАТЕЛЯ С НАУЧНЫМ И ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТАМИ

Развитие знания сегодня характеризуется чрезвычайно быстрым накоплением новых данных. С начала нашей эры первое глобальное удвоение объема знаний в обществе произошло к середине XVIII в., второе — к началу XX в., третье — к 1950 г., а далее объем знаний возрастал вдвое за 10 лет, с 1970 г. — за 5 лет, а с 1977 г. — ежегодно [Еляков, 2002, с. 19]. Несмотря на необъятность, знание относительно в том смысле, что постоянно пополняется. Как отмечал А. Пуанкаре, «наблюдение ежедневно открывает нам новые явления, им приходится долго ждать своего места в системе, и иногда для этого бывает нужно сломать один из углов здания» [Пуанкаре, 2003, с. 190].

Знания возникают, развиваются и усложняются. Возникновению нового знания предшествует существующее на данный момент положение дел в реальной и концептуальной действительности. В ходе межличностного диалога и в диалоге пользователя с источником информации новое знание согласуется с имеющимся. Это может потребовать модификации устаревшего знания в связи с появлением фактов, противоречащих той или иной теории. Будучи истинным в одной парадигме, оно может не соответствовать постулатам другой.

Сказанное заставляет еще раз вернуться к вопросу о диалогичности понимания научного текста и художественного произведения.

Диалог — это взаимодействие автора и читателя: первый отбирает средства воплощения своего замысла, второй декодирует этот замысел. Но диалог — это не только область слова: извлечение информации из текста осуществляется не только на лексическом уровне, где этому способствует подбор лексических единиц, зависящий от тематики: в морских рассказах, например, много названий рыб, судов, обозначений движения. На синтаксическом уровне это дли-

на предложений: в научном тексте они в среднем длиннее, чем в художественном. На стилистическом уровне это термины, поэтизмы, просторечие — сигналы его однозначной принадлежности к той или иной сфере общения.

Диалог как форма взаимодействия адресанта и адресата имеет среди прочих следующие разновидности: 1) *субъектно-объектный*, 2) *интрасубъектный*, 3) *диалог между текстами*, 4) *диалог между реципиентом и текстом*. Субъектно-объектные, в том числе межсубъектные (личность :: личность), отношения в диалоге — это связь между людьми, их взаимозависимость. В качестве предпосылки успешной деятельности субъекта и его отношений с другими субъектами и действительностью выступает понимание полученной информации. Максимальное понимание может позволить адресанту стать адресатом, перевоплотиться в него, и наоборот.

Межгрупповые отношения (группа :: группа) апеллируют к социально-психологическим стереотипам, потребностям и интересам групп личностей. Некоторые установки являются общим достоянием всех представителей социума, хотя и различаются полнотой, другие характерны только для узкопрофессиональных, возрастных и других групп, составляющих единый социолект. Принадлежность некоторого X к тому или иному социолекту определяется его способностью опознавать языковые единицы в тех значениях, которые имел в виду отправитель сообщения. Употребление лексических единиц в дискурсе чуждого социолекта людьми, не имеющими отношения к данной социальной группе, является опознавательным знаком социолекта. Он имеет хронологические и локальные границы, которые объединяют одних его носителей и отделяют их от других. Чем больше объединяющих факторов, тем меньше дистанция между социолектами. Члены одного социолекта понимают один и тот же текст одинаково. Эта ситуация находит отражение в аннотациях, которые бывают предпосланы большинству научных изданий, например: «Для

лексикографов, специалистов отраслевых и ведомственных НИИ и НПО, разрабатывающих терминологические словари, специалистов по информатике» [Герд, 1986].

Интрасубъектное отношение — это диалог с самим собой: мы пытаемся понять самих себя, это акт рефлексии наедине, когда пределы самопонимания устанавливаются личным опытом. Примером может служить дневник писателя: известен феномен Франклиновского журнала Л. Толстого (его дневник, в котором, как и Б. Франклин, Л. Толстой отмечал в конце дня проявленные за день слабости — нерешительность, тщеславие, лень и т. п.).

Диалог между текстами, их перекличка предполагает рассмотрение прецедентных явлений (в смысле Ю. Н. Караулова).

Текст имеет *смысл*, частично основанный на *значениях* входящих в него слов. Противопоставлению значений слов и смысла текста посвящены многие исследования, в частности [Черняховская, 1983]. Значения слов заданы лексикографическими дефинициями единиц поверхностного уровня, а смысл текста — это реконструкция того, что содержится на уровне глубинных структур, то, что по-английски обозначается существительным *message*. Читатели *знают* (или не знают) значения лексических единиц, смысл высказываний *понимают* (или не понимают). Смысл дискурсивен, если понимать под дискурсом высказывание, предполагающее говорящего и слушающего, ситуацию общения и намерение первого воздействовать на второго. Борьба с искушением, описанная Л. Толстым в повести «Отец Сергей», аналогична той, что представлена в «Житии» Аввакума, где герой, борясь с «огнем блудным», «зажег три свечи и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжежение» [Житие, 1979, с. 23]. А вот как это изобразил Л. Н. Толстой: «Да, я пойду, но так, как делал тот отец, который накладывал одну руку на блудницу, а другую клал в жаровню. Но жаровни нет». <...> Взяв топор в правую руку, положил указательный палец левой руки на чурбан, взмах-

нул топором и ударил по нем ниже второго сустава» [Толстой, 1983, с. 249]. Разными словами, при помощи разных значений в этих текстах описывается сходная денотативная ситуация, но смысл текстов един. (Излагаемая трактовка понятий *значение* и *смысл* расходится с тем, что под этими терминами понимал Г. Фреге: для него смысл знака отображал способ представления обозначаемого. Следовательно, разные способы описания сходной денотативной ситуации обладали бы в терминах Г. Фреге разными смыслами.)

Значения объективны, они присущи слову и вне контекста, смысл высказываний и текста в целом субъективен, так как он возникает в контексте диалога на стыке значений и априорных фоновых знаний, кругозора, жизненного и творческого опыта читателей и несводим к последовательности значений элементов, из которых состоит текст. Поэтому только значения слов совпадают для разных читателей. Глубина и многообразие смыслов речевого произведения доступны им в различной степени. Для декодирования смысла знание значений — всего лишь предпосылка, первый этап, необходимое, но не достаточное условие понимания текста. Это наглядно демонстрирует переводческая практика, когда невозможно довольствоваться подстрочником (в котором даны только значения слов), основной задачей перевода является передача смысла. Понимание научного текста в большей степени зависит от знания лексических значений, потому что словообразование ограничивается рамками той парадигмы, в которой текст был создан. Понимание же художественного произведения предполагает, в первую очередь, восприятие его смысла.

Любой диалог, в том числе и отсроченный (имеется в виду понимание текстов, значительно отдаленных от реципиента как в пространстве, так и во времени), предполагает нечто известное обоим коммуникантам, но в разном объеме. Семантические пространства адресанта и адресата пересекаются и при соблюдении норм социального взаимодействия порождают новые смыслы. Реципиент — активный участник двустороннего контакта.

Основная функция диалога между реципиентом и текстом — скоординировать замысел автора и то, что прочитано читателем. У разных читателей результат этой деятельности будет различным. Диалогу предшествует индивидуальное приобщение, усвоение индивидом всеобщего, что является коммуникативным актом. Принципиальная возможность адекватного отражения мира в языковых единицах не означает обязательного ее осуществления. В диалоговом канале связи возможны шум и помехи, которые ведут к информационным потерям и потому препятствуют пониманию и искажают его: это и избыточность информационных потоков, и дублирование каналов передачи информации, и увеличение ее объемов; это и излишняя субъективность комментатора по поводу того, что подлежит толкованию, и факультативные, с точки зрения пользователя, кванты информации, и даже дезинформация, которую нелегко выявить в массиве достоверной информации. Как писал У. Эшби, «шум по существу неотличим от любой другой формы разнообразия. Установить различие между сообщением и шумом можно только в том случае, когда имеется некоторый получатель, решающий, какая информация для него значима» [Эшби, 1959, с. 267]. Коммуникативные неудачи возникают еще и потому, что «во время перехода от мысли к слову может, с одной стороны, что-то теряться, отсеиваться, отсекается и устраняться, но может, с другой стороны, что-то приобретаться, рождаться, возникать. Это мы и называем формированием мысли» [Кубрякова, 1986, с. 51]. На этом пути возможно появление непроверенной информации, заведомо ошибочных сведений. С другой стороны, сложности в процессе осмысления воспринимаемой информации объясняются ограниченностью человеческой памяти и знаний. Они несоизмеримы с потоком постоянно поступающей новой информации. Не только информационная насыщенность текста, но и информационные потребности различны у разных пользователей. «То, что является шумом для одного реципиента, может не

быть таковым для другого: физики говорят об атемпоральном видении вселенной, что неочевидно, например, для философов» [Пригожин, Стенгерс, 1999, с. 247]. Шум снижает надежность используемой информации, когда она не соответствует уровню развития знания, и потому искажает понимание текста. Более позднее воспринимается сквозь призму первоначальных знаний: либо новое интегрирует уже имеющиеся лингвистические и этнокультурные традиции социума, либо они наслаиваются на это новое, либо заменяют его [Шехтман, 2002б, с. 33]. Информационный шум может возникнуть и в результате чрезмерного ветвления гипотекстов, когда цепочечные комментарии к комментариям уведут читателя от исходного текста и превращаются в набор случайных замечаний, никакой исследователь не сможет выявить всех аллюзий и реминисценций, поэтому информационный шум при разработке некоторых зон гипертекста, по-видимому, неизбежен.

Одной из таких помех является углубляющаяся дифференциация различных областей знания, что ведет к специализации терминологии. Представители разных отраслей одной науки все меньше понимают друг друга.

Коммуникативные неудачи возникают, когда читатель ограничивается пониманием значений слов и не ищет смысла текста. Смысл более энциклопедичен и выводит читателя в экстралингвистическую реальность, включая духовный мир личности. Сбои возможны на терминологическом, стилистическом, семантическом, денотативном, грамматическом, коннотативном, идеологическом и др. уровнях. Чтение научного текста чаще всего сталкивается со сбоями на терминологическом уровне. Осведомленность в сфере причин неудач поможет созданию эффективных методов их преодоления (см. раздел «Коммуникативные неудачи и роль гипертекста в их нейтрализации»).

Диалог возможен в случае единства темы (если это не театр абсурда), хотя бы частичного совпадения языковых, энциклопедических, ситуативных знаний, знаний принци-

пов речевого общения, знаний об опыте адресата, культурно-историческом фоне текста в тезаурусах отправителя и получателя информации. Результат коммуникативного взаимодействия зависит от того, находятся ли его участники в одинаковых условиях с точки зрения языка, культуры, эпохи, мировоззрения. Адресант предполагает реципиента с определенными информационными потребностями. Апелляция адресанта к запасу культурологических знаний адресата — условие успешности диалога. Язык эксплицирует определенную картину мира, но пониманию и успеху общения доступна лишь та ее часть, которая обусловлена степенью референционной согласованности и мерой совпадения/несовпадения тезаурусов отправителя и получателя информации. Чем больше воспринимаемый текст меняет тезаурус читателя, тем эффективнее коммуникация. Если тезаурусы у разных людей абсолютно различны, то коммуникация невозможна. Такая ситуация имеет место, когда общаются на разных языках — в буквальном и переносном смысле этого словосочетания. Когда разрыв между тем, что читателю известно, и тем, что ему неизвестно, слишком велик, человек не может успешно усваивать информацию. При наличии у адресанта и адресата полностью совпадающих тезаурусов (что возможно скорее теоретически, нежели практически) обмен информацией не состоится, так как ни один из партнеров не заинтересован в общении с таким собеседником (в широком понимании этого слова). Если же коммуникация все-таки имеет место, то это означает, что сам акт общения важнее его содержания.

Одна из функций диалога — скоординировать замысел автора и прочтение читателя в сфере понятий и образов. Конечной целью диалога является воссоздание того, что стоит за текстом, — предметной реальности.

Интуитивное представление о разном удельном весе понятий и образов в разных типах текста подтверждается гауссовым распределением слов: в научном тексте преобладают понятия, а в художественном — образы. Гауссово рас-

пределение, как известно, противопоставляется ранговому: первое изучает распределение разных элементов в одном и том же тексте, второе — распределение одного элемента в разных объектах.

Анализ связи между объективными параметрами текста и его жанровой принадлежностью призван показать пути повышения эффективности его понимания. Среди таких параметров чаще всего называют наличие или отсутствие терминов, их дискурсивную закреплённость (*критерий, индукция, метод*) или незакреплённость (*изучение, анализ*), частотность лексических единиц, соотношение знаменательных и служебных частей речи, среднюю длину предложений, число глаголов в тексте. Сюда необходимо добавить преобладание композиционных штампов выражения мысли [Разинкина, 2004, с. 211] (предположительно в научном тексте их должно быть больше, чем в художественном произведении), временные формы глаголов, обилие атрибутивных словосочетаний и количество повторяющихся лексических единиц, преобладание тематичности или рематичности в организации смысла. Выбор параметров продиктован возможностью их верификации на любых других текстах, а также независимостью от пристрастий исследователя. Учет распределений слов не поддается деформации под воздействием социально-исторических и парадигмальных сдвигов. В свете сделанных замечаний рассмотрим особенности понимания отрывков из научного текста (*A*) и художественного произведения (*B*).

A. Установление предельно допустимой концентрации (ПДК), т.е. нормирование химических веществ, требует проведения длительных, трудоемких хронических токсикологических экспериментов на животных с введением различных доз с целью определения пороговой (вызывающей минимальные вредные эффекты) и максимальной недействующей (не оказывающей вредного действия) доз. Величина максимальной недействующей дозы определяет значение норматива (ПДК). Кроме того, многие галогеносодержащие соединения (ГСС) обладают канцерогенным эффектом. Изучение канцерогенности связано с проведением

длительных двухгодичных экспериментов. Поэтому чрезвычайно важно иметь возможность предсказывать наличие и степень выраженности канцерогенности и класса опасности по хронической токсичности неизученных ГСС. При нормировании канцерогенных веществ норматив и класс опасности снижаются [Харчевникова, 2004, с. 28].

Сочетание общеязыковых и специфических характеристик отличает данный текст от любого художественного произведения. В тексте 90 слов: 51 знаменательное, из них 14 употреблены два и более раз; 8 служебных, некоторые употреблены по три-четыре раза. Длина предложений — в среднем 18 слов; глаголов — 7, существительных — 46, атрибутивных конструкций — 23. В них эксплицированы как значения, так и показатели связей между ними.

Самые редкие лексические единицы — носители социолектной принадлежности текста. Некоторые из них употреблены более одного раза: канцерогенный — 4, доза — 3, нормирование — 3, эксперимент — 2, токсичность — 2, галогеносодержащий — 2, действующий — 2, соединение — 2, изучение (изученный) — 2, класс — 2, максимальный — 2, опасность — 2, вещество — 2, вредный — 2 раза. Частота встречаемости лексических единиц свидетельствует об их терминологичности только в четырех случаях (канцерогенный, доза, галогеносодержащий, токсичность). Слова *вещество, эксперимент, соединение, изучение, установление* вероятнее в научном дискурсе. Слова *опасность, действующий, вредный, эффект* дискурсивно не закреплены. Однако для понимания научного текста важнее именно терминологические единицы, благодаря которым он приобретает ясность, сжатость, логичность и точность и, как результат, — тематическую привязку, что хорошо иллюстрируется возможностью общения специалистов в одной области знания при том, что они не знают языка друг друга.

Смысл научного текста более статичен благодаря тому, что лексические значения слов в нем остаются неизменными при любых преобразованиях текста. Множество интер-

претааций художественного текста предполагает обращение к его смыслу, а не к значениям входящих в него слов.

Теперь рассмотрим отрывок из художественного произведения.

В. На голове ее был белый ночной чепчик и голубая косыночка, завязанная на нежной, бледной шее. Прямой ряд, уходя под чепчик, разделял русые, чрезвычайно плоские напомаженные волосы, и было что-то сухое, мертвенное в белизне кожи этого просторного ряда. Вялая, несколько желтоватая кожа неплотно обтягивала тонкие и красивые очертания лица и краснелась на щеках и скулах. Губы были сухи и беспокойны, редкие ресницы не курчавились, и дорожный суконный капот делал прямые складки на впалой груди. Несмотря на то что глаза были закрыты, лицо госпожи выражало усталость, раздражение и привычное страданье [Толстой, 1991, с. 132].

В отрывке 89 слов: знаменательных — 67, служебных — 17, глаголов — 13, существительных — 24, атрибутивных конструкций — 13. Более одного раза употреблены самые частотные в любых текстах слова — экспликаторы связей: вспомогательные глаголы — 4, предлоги — 4, союзы — 5 раз. Они обращены к любому носителю данного языка. Все остальные слова, кроме существительного *лицо*, которое встретилось дважды, употреблены по одному разу. Значимость лица в описании героини подчеркивается присутствием слов той же тематической группы (*щеки, скулы, губы, ресницы, глаза*).

В художественном произведении каждое преобразование может изменить и значение слова, и смысл высказываний. Что касается структуры оформления мысли, то для *A*-текстов характерно преобладание развертывания темы — коммуникативно важным является сообщение информации об объективном положении дел в реальной действительности: об установлении концентрации веществ, о величине максимальной дозы, об изучении канцерогенности, о возможности предсказать степень ее выраженности. *B*-текстам более свойственно выдвижение ремы — нам важнее то, что говорится о теме, ее описание, оценка фактов и событий,

авторское отношение к изображаемому, экспрессивность и эмоциональность: главное не то, что у героини были губы, а то, что они были сухи и беспокойны. Иными словами, в научном тексте важно *что* сказано, в художественном — *как* это сказано. Нетривиальным станет утверждение, что категории информативности, экспрессивности и эмоциональности коррелируют с формализуемыми индексами.

Другое различие рассматриваемых текстов касается повторяемости единиц. Доминантность лексико-семантического поля представлена неповторяющимися лексическими единицами в художественном тексте, их повторяемостью — в научном.

Диалог реципиента с научным текстом опирается на значения слов, тогда как диалог читателя с художественным произведением — на смысл высказывания.

Теперь обратим внимание на временные формы глагола.
А. Установление концентрации *требует* экспериментов, величина дозы *определяет* значения норматива, соединение *обладает* эффектом, изучение *связано* с проведением экспериментов, норматив и класс опасности *снижаются*.

В. Кожа *обтягивала* очертания лица.

Губы *были* сухи. Ресницы не *курчавились*.

Капот *делал* складки.

Глаза *были* закрыты. Лицо *выражало* усталость.

Глагольные формы научного текста (настоящее время) противопоставлены прошедшему времени в художественном.

В условиях возрастающего потока научной и художественной информации всё актуальнее становится вопрос о выборе критериев типизации текстов и о рационализации этого процесса. Главное состоит в том, что каждый из параметров предполагает наличие остальных: чем больше в тексте терминов, тем длиннее предложения, тем вероятнее наличие в тексте тематического принципа развертывания мысли, и наоборот. Несомненный интерес представляет проблема выявления наиболее весомых среди названных факторов.

О РОЛИ ГИПЕРССЫЛОК В КОММЕНТАРИЯХ К НАУЧНОМУ И ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕКСТАМ

Есть область интеллектуальной деятельности человека, которая наиболее четко отделяет наше знание от нашего невежества. Это область восприятия научного текста (поскольку научный текст больше других зависит от когнитивного багажа читателей). Инструментом перехода от незнания к знанию помимо самой статьи являются постраничные сноски и следующий за ней гипертекст — посредник между адресантом и адресатом.

Минимальной языковой единицей, функционирующей в гипертексте с целью снятия когнитивного барьера между автором и читателем, является *гиперссылка* — фрагмент документа, указывающий на другой файл, содержащий путь к этому файлу и демонстрирующий пересечение семантики терминов. В гиперссылках представлены семантически соподчиненные кванты вербализованного опыта, продукта взаимодействия субъекта с действительностью, результаты наблюдений и научного познания, каждый из которых расширяет область дальнейшего поиска.

Познавательный опыт процесса общения является бесконечным, как бесконечен и подвижен горизонт знания. Отсюда — теоретически бесконечная возможность переходов от одной гиперссылки к другим. Однако тексты и гипертексты к ним имеют вполне отчетливые границы. В связи со сложным переплетением смысловых и формальных категорий переходы от одной гиперссылки к другим заканчиваются тогда, когда потребность в новых гиперссылках отпадает. Круг замыкается. Это свидетельствует об относительной законченности некоторого этапа общения пользователя с исходным текстом и может рассматриваться в качестве критерия завершения работы по созданию гипертекста. Иными словами, исчерпывающим может считаться список гиперссылок, полученный тогда, когда они начинают повторяться: это сигнал того, что не только текст, но и гипертекст информационно заполнен.

Каждое явление может и должно обладать несколькими связями в зависимости от числа структур, в которые это явление может быть включено. Поэтому гиперссылки дополняют друг друга. Наиболее часто встречающиеся гиперссылки вскрывают объективную диалектику взаимосвязи процессов, понятий, отношений и устройств. Они отражают смысловую доминанту комментируемого текста (процессы — *браузер, поиск, навигация*; понятия — *байт, файл*; отношения — *интерфейс, адрес, клиент*; устройства — *мышь, сервер*). Ими определяется насыщенность текста научными, методологическими и смежными видами информации, когда речь идет о научной дисциплине, обладающей своим понятийным аппаратом и связями между концептами, и культурологическими, эстетическими и историческими сведениями, когда речь идет о художественном произведении. Роль гиперссылки может выполнять внутриязыковой перевод в виде внутритекстового комментария, как в примере из Л. Толстого: «Я набрал большой букет разных цветов и шел домой, когда заметил в канаве чудный малиновый, в полном цвету, репей того сорта, который у нас называется «татаринном» и который старательно окрашивают, а когда он нечаянно скошен, выкидывают из сена покосники, чтобы не колоть на него рук» («Хаджи-Мурат»). Гипертекст вербализует культурно-историческое, социальное и языковое пространство и тем самым приближает исходный текст к читателю.

Текст организует свою семантику, границы которой заданы не только тематически, но и количеством единиц гипертекста, необходимых для его адекватного понимания. По поводу иллюстративного текста (приложение 1) можно констатировать, что 22-х гиперссылок (приложение 2) оказалось достаточно, чтобы сделать его понятным для читателя-неспециалиста. Отсутствие специальных знаний активизирует поиск информации за пределами текста, в первую очередь — в гипертексте. Количество слов, требующих пояснений в виде гиперссылок, составляет 9,6% от

числа всех (228) слов указанного текста. Оно коррелирует с содержательными особенностями документа. В случае научного текста сложность документа пропорциональна длине гипертекста. Иное дело текст художественный: если его приходится расшифровывать с помощью бесчисленных комментариев, он оставляет впечатление сложности, а не художественности. Вопрос об оптимальном количестве статей гипертекста еще ждет своих исследователей.

В художественном произведении повторения лексических единиц могут быть вариативными, они могут содержать семантический сдвиг, из повторения извлекается новое, чего не происходит в научном тексте. Гиперссылки вступают в отношения, которые зависят от семантической и экстралингвистической направленности исходного текста и подтверждают неслучайность их вхождения в гипертекст. Что касается законченности исходного текста, то ее статус носит гносеологический характер, так как он создается отправителем сообщения, в нашем случае — А. Лебедевым [приложение 1].

Текст в рамках социального взаимодействия накладывает некоторые ограничения на язык дефиниций, используемый в гипертексте и гиперссылках: он должен быть предельно стандартизован и нормативен, так как рассчитан на потенциальное приложение к неограниченному числу первоисточников определенной тематики и адресован гипотетическому коллективному читателю. В нем не место таким существительным, как «сбываемость», «спохватываемость» [Д. Б. Галковский]¹.

Гипертекст призван упростить возможность передачи информации на основе структурирования процедурных знаний [Фох, 1995]. Даже самое сложное может быть описано небольшим числом фундаментальных идей и соответствующих слов. Потребность быть понятыми представителями одного и того же или разных социолектов обя-

---

¹ URL: <http://www.samisdat.com/3/311-004.htm>

зывает объяснять сложное через простое в художественном тексте, но единицами того же уровня сложности — в научном тексте. Дефиниции должны быть максимально эксплицитными; это значит, что описание значений дефинируемого должно включать обязательные и факультативные позиции и, если возможно, все варианты их заполнения. Содержательно и лексически гиперссылки к научному тексту отличаются от гиперссылок к художественному тексту: в первом случае вхождение единиц левой части (то, что дефинируется) в правую часть является регулярным, во втором случае такое вхождение нежелательно. В дефиниции слова «хост» не обойтись без упоминания слов «клиент», «сервер», «интерфейс», которые сами толкуются в виде гиперссылок. Комментарии к единицам художественного текста, если они необходимы, даются либо в самом тексте, либо в ГТ: в отрывке из «Поднятой целины» М. А. Шолохова («Верст двадцать от станицы Нагульнов проскакал наметом и остановил своего буланого маштака лишь около Смертного кургана») в комментариях нуждаются: *наметом* — (у казаков) галопом, *маштак* — (у казаков) маленькая крепкая лошадка, маленький крепкий человек, крепыш, либо они могут быть вынесены в ГТ. Однозначность терминов — непременное условие успешного диалога автора с читателем.

Лексические значения слов в гиперссылках обусловлены *макроконтекстом* (связью с тем или иным дискурсом, в нашем случае — с интернет-дискурсом, что нередко эксплицируется словарными пометами), тогда как значения слов в художественном тексте детерминированы *микрконтекстом*, лексико-грамматической валентностью единиц. Мысль П. А. Флоренского о том, что «элементы, каковы бы они ни были, должны в целом произведении восприниматься и оцениваться иначе, нежели они же, эти самые элементы, воспринимаются и оцениваются каждый в отдельности, сами по себе» [Флоренский, 2004, с. 513], применима только к художественному тексту. В научном тексте важно постоянство семантики слова, она только воспроизводится. В худо-

художественном тексте семантика слова создается и варьируется в зависимости от контекстного окружения и тезауруса, фоновых знаний реципиента. В ходе интерпретации художественного текста возможны семантические приращения. С одним и тем же фактом действительности разные субъекты связывают разные смыслы: см. выше пример со словом «буря». Отсюда коммуникативная точность научного текста и преднамеренная коммуникативная неопределенность художественного текста, допускающего множественность его содержательных интерпретаций.

Решение проблемы понимания текста различными группами читателей в коммуникативной цепочке «автор — текст — читатель» лежит в области осознания того факта, что будущий читатель имплицитно присутствует перед автором, который предварительно оценивает (пусть только на интуитивном уровне) когнитивный горизонт будущего реципиента. Отправитель сообщения руководствуется в своем выборе коммуникативно-семантических единиц, наиболее адекватно способствующих реализации поставленной цели, зная ответы на вопросы, кто, почему и каким образом осуществляет процесс понимания. Перед авторами научного, научно-популярного и художественного текстов на одну и ту же тему стоят три типа читателей, путь к сознанию которых различен.

Можно говорить о научно-техническом и гуманитарном уклонах в подаче информации, содержащейся в гиперссылках, призванных облегчить взаимопонимание представителей одного научного социума, с одной стороны, и представителей «чужого» научного социума — с другой. В зависимости от условий коммуникации количество и качество единиц гипертекста определяются адресной предзнаменностью исходного текста: взаимопонимание между членами одного социолекта (внутри него) достигается иными средствами по сравнению с коммуникацией между представителями разных социолектов. Благодаря особенностям гиперссылок устанавливается круг возможных адресатов комментируемого текста: специалисту по компьютерному

обеспечению не нужны комментарии к словам «мышь», «интерфейс», «веб-сайт», «браузер», «хост». Тем, кто не принадлежит этому сообществу, такие комментарии необходимы.

Средства оформления дефиниций не являются ни универсальными, ни одноуровневыми. Вряд ли удастся найти каноническую форму словарной статьи, но все же они поддаются структурной схематизации. Набор способов представления информации в гипертексте ограничен. Это ведет к повторяемости схем описания, сколь бы многочисленными и многообразными они ни были. Наиболее регулярной является следующая схема: существительное с его определениями + определительное придаточное + причастный или деепричастный оборот + инфинитивный оборот + предложная конструкция в роли обстоятельства цели. Приведем примеры заполнения названных позиций в избранном для иллюстрации тексте А. Лебедева:

• **ядерное существительное с его дефинициями:**

клик — реакция (положительная), гиперссылка — фрагмент (документа), веб-сайт — совокупность (страниц), сервер — компонент (программный), хост — устройство (представляющее сервисы), баннер — изображение (прямоугольное графическое), адрес — идентификатор (уникальный) и т. д.;

• **причастные обороты:** выполняющий сервисные функции, посылающий запросы серверу, подключенный к локальной сети или Интернету, указывающий на другой файл, содержащий путь к этому файлу, отражающие различные области интересов или ответственности, создаваемое для рекламирования вашего сайта;

• **придаточные определительные:**

при помощи которых пользователь общается с различными устройствами, которое позволяет однозначно ответить на поставленный вопрос;

• **обстоятельства цели:**

для запроса веб-страниц из паутины, для представления интерфейса между веб-сайтом и его носителем, для реализации перехода с одной веб-страницы на другую.

Особенного внимания требуют те единицы гипертекста, которые представляют собой предметно ориентированные слова общелитературного языка со значениями, модифицированными в семантическом пространстве специального текста: мышшь, чайник, клиент, паутина, адрес, навигация, сеть, память, диск. Двойственность семантики подобных единиц демонстрирует терминологизацию уже существующих в языке слов. При этом некоторые слова меняют свои грамматические свойства: англ. *mouse* в текстах компьютерной тематики имеет особую форму множественного числа — *mouses*.

Отношения гиперссылки и её языковой реализации значимы только в определенном дискурсе, та же гиперссылка будет иметь иную реализацию в ином дискурсе: клиент в сфере бытового обслуживания, мышшь в зоологическом тексте, навигация — в морском. В сфере художественных текстов слова изменяют свою коннотативную направленность: так, слова «мочить», «бабки», «крыша», «редиска» получают оценочные коннотации. Личность идентифицируется с некоторой социальной группой.

Об информационной весомости гиперссылок свидетельствует разветвленная система их связей и частота обращения к ним со стороны читателя. Степень разветвленности гипертекста устанавливается эмпирически. Так, для понимания приводимого в *приложении 1* текста необходимо учесть, что слово «веб-сайт» непосредственно или опосредованно связано со словами «Интернет», «сеть», «информация», «бит», «браузер», «веб-страница», «паутина», «веб-браузер», «медиафайл», «скрипт», «навигация» (т.е. с 11 словами). Каждый уровень ветвления — это сближение квантов одного уровня обобщения.

Внеположенность гиперссылок по отношению к исходному тексту — наиболее вероятный, но не обязательный способ раскрытия семантики его единиц: возможны и внутритекстовые комментарии (см. предложение 9 в *приложении 1*).

Способы организации связности текста и гипертекста принципиально различны. Когнитивная структура стандартного текста (как научного, так и художественного), его гиперсмысл формируется по законам мышления. Его элементы интегрируются в единый текст благодаря соположению грамматически правильных предложений, служащих средством выражения связных мыслей, контекстная обусловленность которых семантически детерминирована и потому взаимодополнительна. Так, в предложении 10 текста А. Лебедева лексические единицы соплагаются в соответствии с семантической совместимостью (вклад — большой), синтагматической отмеченностью (использовал принципы гипертекста), приложениями (фирма «Apple» — ее продукт). Порядок следования предложений семантически значим и синтаксически оформлен. Всякого рода перестановки приведут к изменению смысла или семантических акцентов. Чтение и понимание текста предполагают последовательный переход от предложения к предложению. (Речь идет о текстах, не связанных с манерой письма, называемой «поток сознания», представленной, например, в «Улиссе» Дж. Джойса; впрочем, в научных текстах ассоциативные построения такого рода исключены. Попутно заметим, что подобный принцип может быть положен и в основу художественного текста: таков «Хазарский словарь» М. Павича; чтение такого произведения также можно начинать с любой главы, а переход от одной главы к соседней не обязателен.) Гипертекст больше напоминает манеру письма сюрреалистов, которые записывали слова на клочках бумаги, перемешивали их в шляпе и, наудачу вытаскивая, составляли из них строки. Или другой пример: Вильям Берроуз разрезал исписанные страницы, перетасовывал их куски, а после этого склеивал один с другим, получая окончательный текст. Не следует думать, что полученный текст лишен смысла: мы воспринимаем такой текст на существующем фоне традиционного романа, без которого гиперроман не воспринимался бы как отклонение.

Содержательно научные и художественные тексты могут быть сжаты (например, в целях аннотирования и реферирования или для дайджестов). Гипертекст не поддается никакому сжатию, в нем нет синтаксиса, единицы его задаются списком, микроконтекстная взаимозависимость единиц отсутствует, порядок их следования не релевантен, перестановки не искажают смысла всего гипертекста — он предстает взору как мозаика, неупорядоченность, хаос (если не считать его алфавитную организацию). Работа с гипертекстом не требует какой-либо логики, его, как и словарь, можно читать с любого места. Проблемы оптимальной организации информационных потоков в гипертексте не существует. Тем не менее гиперссылки поддаются иерархической организации на основе либо объектов комментирования, либо их связей. (Имеется в виду переход от уровня более общей, недифференцированной информации к более частной, дифференцированной.) Чем больше неупорядоченность и разнообразие статей, тем концептуально сложнее комментируемый текст.

Но ГТ — это не разрозненный множественный объект, не бессистемный набор терминов; при всем своеобразии семантики каждой гиперссылки существует зависимость друг от друга стоящих за ними денотатов (паутина предполагает существование веб-сайтов, а они состоят из веб-страниц со своими адресами), что указывает на их неизолированность, несомненную принадлежность одному тематическому ряду, смежным областям, одному сектору интернет-дискурса; их объединяет единство предмета исследования и описания, принадлежность одному участку личностной картины мира реципиента.

Текст существует в некотором пространстве картины мира, частичному описанию которой он посвящен. Слова «байт», «интерфейс», «браузер» едва ли могут встретиться вне научно-технических текстов, посвященных Интернету и компьютерам. Знание значений подобных единиц создает эффект «своего» в интернет-пространстве. Высказанная по

поводу цитаты следующая мысль Ю. М. Лотмана хорошо иллюстрирует характер этой причастности: «Цитата, особенно невыделенная, <. .> создавая атмосферу намека, расчленяет читательскую аудиторию по признаку свои — чужие, близкие — далекие, понимающие — непонимающие. Текст принимает характер интимности по принципу «кому надо, тот поймет» [Лотман, 1990, с. 414]. И в другой работе: в пушкинских текстах некоторые упоминания имен и событий нередко рассчитаны на тех, кто близко знал его окружение; «таким образом, пушкинский текст... расщеплял аудиторию на две группы: крайне малочисленную, которой текст был понятен благодаря знакомству с внетекстовыми деталями обстоятельств, пережитых совместно с автором, и основную массу читателей, которые чувствовали здесь намек, но расшифровать его не могли» [Лотман, 1996, с. 93]. «Свое» и «чужое» не растворяются друг в друге, но сосуществуют. Гипертекст структурирует среду своих потребителей, и наоборот: каждая группа потребителей требует своего гипертекста.

Понимание текста определяется причастностью к той или иной картине мира, что является одним из непеременимых условий его адекватного восприятия. Тематическая сопряженность гиперссылок обнаруживается благодаря тому, что, например, в дефиниции термина «веб-сайт» присутствуют термины «адрес», «хост», «сервер», которые в свою очередь толкуются с помощью терминов «клиент», «интерфейс», «паутина» и т. д.

Как видим, совокупность гиперссылок характеризуется социальной и парадигмальной определенностью, терминологическими приоритетами, которые позволяют пользователю производить и понимать тексты заданной тематики, соотнося их с планом содержания исходного текста.

ГИПЕРПРОСТРАНСТВО БАЗЫ ДАННЫХ И ГИПЕРТЕКСТ

Совокупность самодостаточных гипертекстов, организованных в соответствии с их тематической смежностью, образует базу данных (БД). Семантическое основание этой совокупности образует гиперпространство некоторой предметной области и используется для удовлетворения информационных потребностей пользователя в пространственной, темпоральной, пространственно-темпоральной и некоторых других сферах:

реалия — объект, характерный для жизни, быта, культуры, социального и исторического развития одного народа и чуждый другому. Реалии являются носителями национального и исторического колорита и не имеют, как правило, точных соответствий в других языках (пространственно-темпоральная сфера);

опричина — система чрезвычайных мероприятий, примененных русским царем Иваном IV Грозным в 1565—1572 гг. во внутренней политике для разгрома боярско-княжеской оппозиции и укрепления русского централизованного государства (темпоральная сфера);

регентство — временное осуществление полномочий главы государства коллегиально или единолично при малолетстве, болезни, отсутствии монарха. В малолетстве Ивана Грозного регентшей была его мать.

Навигация в гиперпространстве не является хаотичной и произвольной, она тем плодотворнее, чем вероятнее движение автора и читателя в одном направлении. Предпочтительность той или иной статьи измеряется степенью ее соответствия пониманию целого текста. В БД любой элемент может служить отправной точкой поиска информации. Линии связи ведут вперед или назад, в прошлое или будущее, к лингвистической или экстралингвистической информации. Количество линий зависит от сложности комментируемого объекта. Навигацию можно уподобить саду

расходящихся тропок Х. Л. Борхеса: каждый последующий шаг опирается на предыдущий, каждый исход дает начало новым развилкам. В этом процессе — суть навигации в гипертекстовом пространстве из произвольного узла в узел прибытия. Вопрос о том, является ли узел прибытия конечной точкой поиска и представления информации, решается в зависимости от возможности пополнения статьи новыми данными. Но навигатор всегда остается в рамках одного гиперпространства. Инструментом, обеспечивающим эффективность этого процесса, и способом согласовать тезаурусы адресанта и адресата призван стать гипертекст. Навигация имеет место, когда из неограниченного набора изолированных, не нуждающихся друг в друге сведений каждый черпает ограниченное, необходимое ему для понимания смысла текста число информационных единиц. В результате навигации возникают информационные блоки с внутренними соотношениями и с разной степенью сводимости и переводимости семантических и ассоциативных связей. Для того чтобы они возникли в гносеологии, эти связи должны были существовать онтологически.

Центральным объектом, объединяющим инфосферу и воспринимающую среду, является **гипертекст**. Расхождения авторского замысла и читательского восприятия часто объясняются объемами тезаурусов автора и читателя. Их тезаурусы никогда не совпадают, что требует обращения к ГТ, который создается либо комментатором от издательства, либо самим автором, желающим сориентировать читателя в стратегиях понимания своего замысла. Гипертекст восполняет лакуны в гиперпространстве читателя, это путь к информационной модели тезауруса такого пользователя, который может максимально приблизиться к отображению коммуникативных интенций автора текста.

В ГТ наряду с элементами статичности имеются и такие, которые со временем либо исчезают из читательского тезауруса (перси, ланиты), либо приобретают новые дефиниции (паутина — глобальное информационное простран-

ство, основанное на физической структуре Интернета), что иллюстрирует динамику гипертекста.

Обоснование критериев включения или невключения информационных блоков в БД — это осознание того, что мультикультурное и мультинациональное общество предполагает учет исторических, социокультурных и территориальных особенностей комментируемого текста, отсюда подробный гипертекст к одним текстам и его полное отсутствие в других. Дж. Джойс предвидел на пять строчек текста своего «Улисса» 10 страниц комментариев, но многое он прокомментировал сам непосредственно в тексте своих произведений. Каждому времени свойственны свои представления о том, что общеизвестно, а что известно лишь современникам автора. Дифференциация этносов объясняет, почему «home rule» не комментируется в текстах, рассчитанных на англоязычного реципиента, а «гомруль» объясняется для русскоязычных. Гипертекст вызывается желанием приобщиться к опыту предшественников, обусловленному асимметричностью коммуникантов, и должен удовлетворять, в частности, следующим требованиям:

1. Адекватность описываемому объекту, т.е. конгруэнтность предлагаемой информации, формы и содержания исходного текста, соответствие предлагаемых материалов современному состоянию научного и обыденного знания и здравого смысла.

2. Авторитетность предлагаемых данных для реципиента (в виде ссылок, обращений к доказательным примерам, статистических выкладок). Еще до чтения текста мы отягощены грузом своих представлений об описываемом в нем объекте, часто это бывает груз предубеждений и предрассудков, устаревших сведений. Успех коммуникации между читателем комментируемого текста и автором комментариев зависит от того, насколько им доверяет читатель.

3. Возможность алгоритмизации самой процедуры построения статьи; дефиниции должны быть эксплицитными, описание должно включать обязательные и факультативные

позиции и, по возможности, все варианты их заполнения (субъект, объект, адресат, инструмент, действие, время и место).

4. Лексика толкований должна быть частотнее толкуемых лексических единиц, при этом частотность как количество появлений слов в текстах вообще (что зафиксировано в частотных словарях) отличается от их распределения — количества текстов, в которых встречаются используемые в дефинициях лексические единицы.

Гипертекст — разновидность вторичного текста: статья ГТ не только передает то, что изложено в первичном тексте (как аннотация или реферат), но добавляет нечто новое. Информация ГТ-статьи ограничена ориентацией на исходный текст: ГТ призван определять, пополнять, уточнять, оценивать или отрицать нечто в комментируемом материале. Цель этих модификаций — в перестройке тезауруса реципиента. В зависимости от того, что можно делать со статьей ГТ, определяется ее специфика. ГТ допускает расширение за счет введения новых разбиений, новых дифференциальных признаков и не требует пересмотра всей структуры, однако экстенсивный взгляд на ГТ усложняет условия его использования. Допускающие увеличение своего объема гипертекстовые статьи имеют самостоятельную ценность и могут представлять интерес независимо от исходного текста (таковы статьи в страноведческом словаре). Композиционная свобода статьи ГТ относительна.

Гипертекст может содержать противоречия с чем-то внешним по отношению к нему, но не должен содержать внутренних противоречий. Определить можно всё: a — это A , при этом a и A облакают в разную форму ядерную информацию одного и того же содержания. Основа дефиниции — описание значений класса, к которому принадлежит объект, и установление связей со словами, отображающими свойства объекта. Дефиниция — это отношение к чему-либо другому на поверхностном уровне и к тому же самому на глубинном (мукалтин — препарат). Важно избегать несоразмерности и несогласованности определений. Они

призваны демонстрировать смысловое тождество внешне различных языковых выражений.

Анализ многочисленных дефиниций показал, что они обычно представлены в двух модификациях: в виде синонимических именовании одного референта и в виде разветвленной синтаксической структуры, которая служит семантической разверткой первого способа. Источниками информации в гипертексте служат энциклопедические, толковые и многоязычные словари, дневники, переписка, записные книжки. Отсюда черпается теоретически открытый ряд эксплицирующих элементов, связанных с заглавным словом отношениями характеристики, локализации, родо-видовыми отношениями (объекты — экскаватор, экскаватор — машина), отношениями синонимии (антиципация — предугадывание), гипонимии (неологизм — окказионализм), свойствами (мощный).

Гипертекст является эффективным инструментом экспликации скрытых семантических величин исходного текста в направлении от неизвестного к известному, от общего к частному, например: индульгенция — грамота об отпущении грехов > грамота об отпущении прошлых, а иногда и будущих грехов > выдавалась католической церковью от имени Папы Римского за деньги или какие-либо заслуги перед церковью. Полнота статьи определяется эмпирически как за счет объектов, так и за счет связей между ними. Как показывает пример, декларативные знания поэтапно превращаются в процедурные.

Открытость гипертекста (он ограничен лишь пределами культуры и знаний комментатора, а также господствующей идеологией и научной парадигмой) не исключает замкнутость его компонентов (chunks). Значимость описываемого объекта может быть измерена числом обращений к информации об этом объекте, тогда как сложность ГТ измеряется количеством перекрестных ссылок.

Гипертекст — это выход за пределы исходного текста в мир денотатов и сигнификатов с целью создания нового

текста, хотя оба принадлежат одной и той же базе данных, которая покрывает одну или несколько предметных областей, объединяя их в множество узлов (линейных статей) и связей между понятиями, концепциями, теориями и именами для обеспечения диалога между потребителем и существующими идеями и научными парадигмами.

Внеязыковая действительность упорядочивается когнитивными способностями личности с помощью дифференциации объектов и сближения сходных, что находит отражение в языковых формах, которые представляются релевантными для носителей той или иной инфосферы. Постоянство денотативной ситуации в комментируемом тексте не исключает динамического характера и изменчивости гиперпространства. Оно может ограничиваться одним временным срезом, а может охватывать несколько срезов. В приведенном выше примере модификация возможна за счет расширения инфосреды дефинициями католической церкви и Папы Римского. Аналогичным образом примечание «Оккам (1285—1349) — английский философ, церковно-политический писатель, *францисканец*, главный представитель *номинализма XIV в.*» нельзя признать полным. Вопрос в том, за счет чего оно должно быть расширено (дефинициями выделенных слов, а также самой известной максимой этого философа — «не добавляй ничего лишнего»). Таким образом, составление гипертекста не может быть алеаторическим (полагающимся на случай). Так появляются статьи: «Францисканец — член первого нищенствующего ордена, основанного в Италии в 1207—1209 гг. Франциском Ассизским. Наряду с доминиканцами они ведали инквизицией», «Франциск Ассизский (1181—1226) — итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев, автор религиозно-поэтических произведений». Как видим, комментарий бывает языковым или страноведческим. Так возникает многослойное пересечение различных парадигм и терминологий.

Узел, образуемый связями лексической единицы со всеми гиперссылками, имеет свою сложность. Сколько предмет-

ных областей, столько и гипертекстовых связей: например военное дело, космонавтика, архитектура, машиностроение, медицина, преподавание, транспорт, бизнес, потребление, государство и право — для научно-технических текстов; для текстов художественных этот перечень неисчерпаем.

Создаваемое базой данных гиперпространство имеет как иерархическую (объекты могут относиться как к центру, так и к периферии), так и сетевую структуру, воплощая синтагматизацию парадигматических связей входящих в него единиц. Однако иерархия не является жесткой: переход от X к Y имеет свои промежуточные этапы, поскольку постоянно пополняется за счет цепочечных гипертекстовых расширений ради включения неизвестного в некоторое отношение с известным (см. пример с индугенцией).

Коммуникация носит двунаправленный характер и может быть трех типов: межличностная (личность :: личность), межгрупповая (группа :: группа) и ораторская (личность :: группа; сюда включается автор любого текста и его читатели). Отнесенность текста к тому или иному типу определяется языковыми характеристиками текста. Модель коммуникации остается неизменной для всех случаев, т. е. вне зависимости от того, кто автор высказывания, что он утверждает или отрицает, по какому поводу и к кому обращено высказывание, какими образными средствами достигается коммуникативный эффект.

Коммуниканты могут принадлежать разным парадигмальным и хронологическим сообществам. Общее, объединяющее ученых в рамках одной парадигмы, обнаруживается в используемой терминологии и предлагаемых дефинициях, которые не противоречат друг другу. Оно также обнаруживается в использовании аббревиатур, которое является сигналом принадлежности авторов и читателей к одной социальной и, уже, научной группе. Гипертекст парадигмально адаптирует исходный текст. Он не просто выполняет отсылочную функцию, формируя содержательный уровень соответствующей картины мира и разрабатывая

семантические связи внутри гиперпространства. Общение пользователя с гипертекстом представляет собой особую разновидность коммуникации. Оно предполагает взаимную координацию деятельности комментатора и потребителя ГТ. Сам гипертекст является свидетельством стремления коммуникантов найти поле взаимопонимания, задаваемое научным и культурным багажом, этносоциальными различиями автора и читателя.

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ФУНКЦИИ ГИПЕРТЕКСТА

Удовлетворение информационных потребностей пользователя в новом знании возможно только при наличии общепринятого метаязыка восполнения информационной недостаточности комментируемого источника. В логике и лингвистике различают два уровня языка: «объектный язык», на котором говорят о внешнем мире, и «метаязык», на котором говорят о самом языке. Средствами метаязыка проводится описание структурных, дедуктивных или семантических свойств каких-либо неязыковых объектов. В этой дихотомии воплощено противопоставление *предмет — взгляд на предмет*. Метаязыки бывают искусственными (языки формул и графиков, буквенно-цифровые нотации) и естественными (реально существующие языки, например русский для описания семантики русского: *вешняк* — мельница, действующая только во время весеннего разлива вод; или русский для объяснения значения иностранного слова: *софомор* — второкурсник).

Семантическое тождество определяемого имени (дефиниендума) и его определения (дефиниенса), раскрывающего значение определяемого, обеспечивает их взаимозаменяемость, не сопровождаемую тождеством поверхностных структур. Так удовлетворяется потребность в пояснениях этих структур для широкой аудитории пользователей. Их интерпретация с помощью метаязыка призвана облегчить

взаимопонимание. «Интерпретация — это когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» [В. З. Демьянков]¹. Поэтому в качестве метаязыковых единиц используются самые частотные лексические единицы, о которых известно, что 500 самых частотных слов языка имеют 10 000 лексических значений. Это хорошо согласуется с принципом Оккама (см. выше), в соответствии с которым более простая интерпретация имеет больше шансов быть принятой. Она может заслонить более оригинальные интерпретации.

Метаязыковая функция гипертекста — это замена неизвестного известным и проверенным в структуре и содержании объекта интерпретации, т. е. внутриязыковой перевод, что обеспечивает процесс знаковой и когнитивной координации социально значимого взаимодействия коммуникантов, интеракцию языковых личностей, их сознаний, взаимосвязь тезаурусов говорящего и слушающего. В качестве иллюстрации результатов информационного поиска и отбора необходимых дефиниций воспроизведем несколько метаописаний семантики слова *дифирамб* из разных источников.

ДИФИРАМБ

Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка:

1. *У древних греков — торжественная песнь в честь бога Диониса.*

2. *Неумеренная, восторженная похвала (книжн.)* [Ушаков, 1935]

Советский энциклопедический словарь:

1. *Первоначально хоровая культовая песнь в честь бога Диониса. Позднее литературная форма, близкая к гимну и оде.*

2. *Преувеличенная восторженная похвала* [Советский энциклопедический словарь, 1979].

С. И. Ожегов. Словарь русского языка:

1. *У древних греков торжественная песнь в честь бога Диониса.*

---

¹ URL: infolex.ru/interpret.html

2. *Преувеличенная восторженная похвала* (книжн.) [Ожегов, 1984].

Л. П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов:

1. *У древних греков торжественная песнь в честь бога Диониса.*

2. *Преувеличенная восторженная похвала* (книжн.) [Крысин, 2005].

Совпадая в основном значении, приведенные гипотексты различаются наличием или отсутствием синонимов, помет о стилистической отнесенности или сведений этимологического характера. (Под **гипотекстом** как способом организации и структурирования знания подразумевается фрагмент гипертекста, но если гипертекст — это нелинейно организованный объем политематической информации, то в гипотексте наблюдается характерная для любых текстов ее линейная организация.)

Интерпретативная деятельность комментатора субъективна: он выбирает источник информации по своему разумению и сам оценивает адекватность предлагаемых комментируемому материалу гипотекстов. Его объективность состоит в соответствии комментария существующей на момент создания гипертекста научной и фактической парадигме. Возможны и анонимные гипотексты.

Иногда адресант рассчитывает на знающего адресата: например, в начале «Войны и мира» герои говорят по-французски, но автор не снабжает диалоги сносками или комментариями. Л. Толстой таким образом творит своего будущего читателя.

Гипертекст как разновидность текста вообще — это специальный объяснительный контекст, облегчающий понимание комментируемого текста. Он включает хронотопы, исторические, мифологические, фольклорные события и описывает национально-культурный, бытовой компонент семантики высказывания. Так, в гипертексте к английскому изданию романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» [Pasternak, 1962. p. 353] мы находим, среди прочих, следующие гипотексты:

Kulich — a cake shaped like a large bun;
Dessyatina — 2,7 acres;
Kasha — gruel made of buckwheat;
Zemsky — a government official who dealt with rural matters;

Lichachi — fashionable cab-drivers who had an unsavoury reputation as a class because of their connection with prostitutes;

Arteli — groups of workmen or small tradesmen who worked together under their own foreman and usually shared lodgings.

(См. также «тройка», «драгун», «толстовцы», «это звучит гордо», «восстание на Пресне», «закуска».)

В этих гипотекстах представлены знания, отсутствующие в тезаурусе английских читателей романа. Критическая оценка способов подачи интерпретаций предполагает включение интерпретируемых единиц в широкий социально-культурный контекст. Тогда становятся очевидны ошибки, допущенные комментатором: *каша* бывает не только гречневой, *лихачи* имеют мало общего с тем, что предложено автором гипотекста.

Успех общения зависит от степени осведомленности общающихся о сути и механизмах описания окружающей действительности, в том числе и средствами метаязыка. Такая осведомленность имеет несколько аспектов:

лингвистический — способность интерпретировать грамматические конструкции и лексические значения слов (*to stop smoking* — бросить курить, *to stop to smoke* — остановиться, чтобы закурить);

энциклопедический — знание, связанное с пространственно-временными констатациями о человеке в мире фактов: например, в [Павленков, 1899] читаем: «*Алупка — имение князя Воронцова и татарская деревня (450 жителей) на Южном берегу Крыма в Ялтинском уезде. Прекрасная климатическая станция. Морские купания с половины мая до ноября; жизнь дорога; удобств мало*»; при этом

предметно-содержательный аспект комментируемых единиц преобладает над формально-лингвистическим;

литературоведческий — владение информацией о том, например, что «Гарпагон» — это имя героя комедии Мольера «Скупой», ставшее нарицательным и обозначающее «скряга»; сюда же относятся упоминания всех прецедентных текстов.

Адресат может нуждаться в дополнительной информации при чтении гипотекста, что предполагает создание новых гипотекстов. В примере с Гарпагоном таким гипотекстом могла бы стать этимология имени: от греч. *harpia* «хищница». Полнота гипертекста определяется его открытостью, возможностью продолжать комментирование единиц не только основного текста, но и гипотекстов, тогда речь идет о мета-метаязыке, или метаязыке второго или *n*-го уровня. Мета-метаязыковые кванты информации расширяют горизонты восприятия исходного текста, и чем длиннее цепочка метатолкований, тем богаче усвоенное читателем содержание исходного текста.

Многоступенчатость толкований — устойчивая, объективная характеристика гипертекста. Но диалог пользователя с гипотекстами не может продолжаться бесконечно, хотя количество гипотекстов невозможно знать заранее (пример многоступенчатого гипертекста см. в приложении 3). На некотором этапе многоступенчатость толкований может привести к утрате связей с исходным текстом. Анализ смысловой необходимости того или иного гипотекста показывает, что релевантные сведения находятся не далее третьей ступени поиска. Чем дальше метаязыковое описание от комментируемого объекта в цепочке интерактивных операций, тем шире охват референтного содержания и тем дальше гипотексты уводят читателя от исходного текста. Инструменты определения степени уместности и адекватности подобранных гипотекстов пока не выработаны (см. гипотекст о лихачах), что создает метаинформационную неопределенность, и тогда комментатор может уподобиться составителю энциклопедии.

Личностно окрашенное отношение к миру в метаязыковых формулах должно быть по возможности нейтрализовано. Однако это не всегда возможно: комментатор не может полностью элиминировать свою личность и освободиться от тех идей, традиций, привычек, нравов и обычаев, которые навязывает ему его образование и время. В зависимости от целей, преследуемых автором гипотекстов, они подразделяются на идеологически окрашенные и нейтральные. В метаязыке на это указывают лексические единицы, в толкованиях которых присутствуют коннотативно-оценочные семы. Так, одна из «Виньеток» А. К. Жолковского о русском патриотизме называется «Квасцы». Понимание этого названия будет неполным, если не вспомнить словосочетание «квасной патриотизм» (*упрямая, тупая* приверженность к мелочам национального быта) [Ушаков, 1935]. Выражение вошло в оборот в 20-х годах XIX столетия.

Интернациональный компонент гипертекста составляют гипотексты на все времена — гипертекстовые универсалии: библеизмы (*поцелуй Иуды, умывать руки*), шекспиризмы (*зеленоглазое чудовище, быть или не быть*), а также локальные, социальные, конфессиональные, профессиональные универсалии (например, у математиков: *сумма внутренних углов любого треугольника равна 180 градусам, параллельные линии никогда не пересекаются*). Меньше всего универсалий в сфере оценочной и идеологической информации. Раздвигая границы комментируемого семантического пространства, метаязыковые трактовки либо расширяют, либо углубляют, детализируют семантический диапазон дефиниендума (см. гипотекст о князе П. А. Вяземском в приложении 3). Продолжение может быть неопределенно долгим, что означает принципиальную незаконченность любого гипертекста. В степени детализации сведений отражается субъективность человеческого опыта, ограниченного пространством и временем. Имеющиеся гипотексты — отправная точка для создания новых. Сам факт перехода от одного гипотекста к другому указывает на то, что в первом

из них соответствующий участок действительности прокомментирован недостаточно. Следовательно, гипертекст, с одной стороны, изменяет информационную насыщенность текста, с другой — обогащает тезаурус читателя: каждое последующее сообщение воспринимается на фоне уже существующего.

Порядок следования гипотекстов определяется описываемой ситуацией (расширение информации) и связями между ними (углубление информации). Формальным индикатором расширения и детализации предлагаемой в гипертексте информации являются пометы типа «см. также», «see also». Практической реализацией способов специализации сведений являются таблицы Универсальной десятичной классификации (УДК), охватывающие всю совокупность знаний и построенные по иерархическому принципу деления от общего к частному. В них зафиксирован опыт составителей УДК и информация носителей языка, не ставшие коллективным достоянием. Адресат вынужден делать выбор. Важно, чтобы предлагаемые комментатором гипотексты не противоречили друг другу, а предметно-содержательный аспект комментируемых единиц преобладал над формально-лингвистическим. Для детализации важна смежность гипотекстов, предполагающая учет перекрестных ссылок. В качестве примера приведем толкования существительного *энтропия*:

- мера внутренней неупорядоченности информационной системы;

- энтропия увеличивается при хаотичном распределении информационных ресурсов и уменьшается при их упорядочении;

- мера вероятности осуществления какого-либо макроскопического состояния;

- в теории информации — мера неопределенности какого-либо опыта, который может иметь разные исходы.

Мир одновременно и устойчив, и изменчив, и в информационном мире происходят постоянные изменения, которые требуют пересмотра многих сложившихся ранее

представлений о роли и содержании гипертекстов в информационном обмене и функционировании информации. Наряду с увеличением количества информации (информационным взрывом) возросло число пользователей и средств ее распространения. Но вопросы науки, особенно философии и социологии, ставятся в наше время иначе, чем 65 лет тому назад, во времена возникновения электронных гипертекстов.

Изменения касаются также идеологии, аксиологии, этики и эстетики. Переоценка знаний и ценностей приводит к изменению социальной дистанции между автором и читателем. Изменяются процессы порождения и восприятия гипертекста, удельный вес квантов информации на отдельных участках ее существования. По замечанию М. Л. Гаспарова, греческие вазы, перед которыми мы благоговеем в музеях, были когда-то массовой культурой и глиняным ширпотребом, а драмы Шекспира в «Глобусе» — массовым зрелищем [Гаспаров, 1996, с. 350]. Вопрос «Что должно быть прокомментировано?» указывает на хронологические рамки описываемых дискурсов. Гипотексты формируют у читателя отсутствующий у него образ. То, что не комментируется, составляет фундамент общения. «Комментарий, — пишет М. Л. Гаспаров, — нужен, чтобы читатель знал, чего он имеет право не понимать (и, стало быть, что обязан понимать)» [там же]. В процессе эволюции текстов в соответствии с изменяющейся картиной мира меняется и соотношение значимостей гипотекстов: например, в эру компьютеров возросла семиотическая весомость термина «интерфейс».

Но многое сохранилось: остались исходные понятия, набор исходных посылок и правил вывода. По-прежнему ментальные представления с трудом укладываются в линейную структуру. Черты устойчивости становятся отправной точкой для интерпретации наступивших изменений.

За пределами гипертекста стоит исходный текст, за ним — реальность, трансформированная нашим индивидуальным мышлением. Составитель гипертекста должен знать,

какие цели стоят перед потребителем информации при обращении к комментариям. Эффективность комментирования повысится при наличии баз данных для соответствующих предметных областей и унифицированного метаязыка представления знаний. В базы данных должно войти ограниченное количество единиц, которые могут рассматриваться как простые, лежащие в основе более сложных.

В перспективе необходимо создание количественно-качественных описаний метаязыковых единиц с точки зрения их частотности, полисемии и стилистической отнесенности, т. е. параметров, детерминирующих их функционирование в информационно-поисковых системах как для расширения, так и для углубления знаний.

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРАДИГМ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В ГИПЕРТЕКСТЕ

Эволюция познавательных способностей личности, или когнитивная эволюция, связана с ростом и развитием знания — проблема, которая является центральной в эпистемологии. Суммарное разнообразие незнания всегда богаче нашего знания [Налимов, 1989, с. 240]. Горизонты того и другого постоянно расширяются. Чем больше объем знаний индивидуума, тем значительнее объем того, что ему предстоит узнать. При этом принципиально важно дифференцировать знания и информацию. Информация — это среда, источник знаний, разнообразия, связанных с социальной действительностью; она надиндивидуальна, тогда как знания бывают индивидуальными или групповыми. Чем больше информации мы имеем, тем определеннее то, что мы можем сообщить другому индивидууму. Это особенно актуально в современном обществе, которое характеризуется ускорением ее развития: информация стала глобальным ресурсом человечества. Знания, производные от информации, модифицируются под влиянием внешних

источников и социального взаимодействия индивидуумов. Мир, в том числе информационный, одновременно и устойчив, и изменчив, что требует пересмотра многих сложившихся ранее представлений о том, что и как подлежит гипертекстуальному сопровождению. У информационных потребностей есть своя социокультурная динамика. Под влиянием смены научных парадигм, — а время, которое необходимо для их модификации, стремительно сокращается, — значимость информации, а значит, и комментируемые объекты и сами комментарии со временем меняются. Этому способствуют новые идеологические установки и глобализация знания. Ср. статьи «октябрьская революция» в [Большая советская энциклопедия, 1951] и [Новая популярная энциклопедия, 2000]:

Великая Октябрьская социалистическая революция — великая революция, совершенная рабочим классом России в союзе с беднейшим крестьянством под руководством большевистской партии, ее вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина;

Октябрьская революция — насильственная смена власти и режима в России, сопровождаемая глубокими изменениями в политическом, социальном и экономическом строе. Под октябрьской революцией подразумевают как одновременный акт захвата власти большевиками в результате переворота 25 октября 1917 г., так и коренное изменение, резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому, растянувшийся примерно на два десятилетия.

Объект интерпретируется в рамках принятой в сообществе парадигмы и картины мира как совокупности идеологических, культурных, экономических, политических знаний о мире, которые отражены в языке. Научная парадигма, по Т. Куну, — это признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения [Кун, 1977, с. 11].

Связь между текстом и ГТ не бывает застывшей, гипотексты преобразуются, обновляясь, расширяясь или сокращаясь. То, что было важно вчера, может утратить свою актуальность сегодня. Меняется и отношение к комментируемому (см. пример выше). Гипотексты согласуются друг с другом, если их авторы исходят из одной и той же системы взглядов, что дает им возможность избегать логических противоречий.

Причастность личности к той или иной парадигме облегчает усвоение информации и снимает напряженность текста, которая возможна из-за лакун в ее когнитивной базе. Текст становится напряженным, когда возникает необходимость воспринять смысл, для которого в памяти реципиента нет соответствующих знаний, что объясняет сложности восстановления денотатов адресатами. Напряженность минимизируется благодаря сближению объемов означаемого и означающего в тезаурусах реципиентов речевого произведения, чему служит гипертекст как пространство социального и когнитивного взаимодействия отправителя и получателя информации. Он способствует преодолению временного и пространственного барьера между автором и разными читателями, которые в разной степени подготовлены к восприятию сообщения. Трудность понимания поэмы Т. С. Элиота «The Waste Land» [Eliot, 1922] вызвана обилием цитирования и подразумеваний в широких временных рамках в связи с многочисленными аллюзиями, интерпретация которых должна носить интердисциплинарный характер. Это относится к творчеству Данте, Вергилия, Овидия, Сапфо, Гольдсмита, Шекспира, Мильтона, Паунда, Хаксли, Вебстера, Бодлера, Верлена, Диккенса, Мэлоури, Гессе. Возникают проблемы с трактовкой библеизмов (Ezekiel, Ecclesiastes) и мифологизмов (Sybil). Поэтому на 9 страниц текста Элиота приходится 6 страниц комментариев [Abrahams, 1993]. Есть и более поразительные соотношения между объемом текста и объемом ГТ: текст романа-комментария Е. Попова «Подлинная история зеленых

музыкантов» [Попов, 1999] — это 54 страницы, за которыми следуют 280 страниц комментариев, всего их 888. Обратим внимание на то, что составители гипертекстов в обоих случаях являются носителями той же языковой культуры, что и авторы комментируемых текстов. Различие состоит в том, что к поэме Т. С. Элиота гипертекст создан «человеком со стороны», тогда как к роману Е. Попова он сам и является комментатором. Объем ГТ — это показатель когнитивного расстояния между адресатом и адресантом. О возрастающей самостоятельности ГТ в современном мире говорит то обстоятельство, что возникают речевые произведения, представляющие собой гипертексты без текстов.

Накопление знаний и облегчает, и осложняет адаптацию реципиента к восприятию информации: облегчает потому, что рост знания ведет к росту его неоднородности и раздвигает границы того, что может быть понято. Полноценное понимание текста зависит помимо прочего от умения читать между строк. Так, текст «Пилотируемый корабль войдет в плотные слои атмосферы. Чайка Джонатан с клетком пролетит над седой равниной моря» [Попов, 1999, с. 247] прочитывается по-разному читателем, который «узнал» «Песню о буреви́стнике» М. Горького и повесть Р. Бака «Jonathan Livingston Seagull», и читателем, который не знаком с этими произведениями или знаком только с одним из них. Синтагматическая смежность чайки и буреви́стника создает приращение семантического потенциала текста за счет опоры на произведение, созданное ранее. Восстановление интеллектуальных и эмоциональных пробелов в памяти читателя — это отсылка к прошлому индивидуальному или общечеловеческому опыту. Этот процесс имеет ретроспективный характер: носитель русского языка понимает, что фраза «Знаешь ли ты, который час?» только на поверхностном уровне является вопросом, тогда как на глубинном уровне она может означать «Нам пора». Основанием для такого декодирования текста служит не лингвистическая, а когнитивная база данных.

ГТ выполняет функцию приспособления речевого акта к социальному положению реципиента, консолидируя тех, кто разделяет провозглашаемые в гипотекстах ценности. Следовательно, можно говорить о социальной обусловленности содержащейся в них информации. Оценочное отношение к событию (чаще, чем к предмету) организует размеры социальной группы.

Подобную роль выполняют и пробуждаемые текстом ассоциации, которые иногда оказываются важнее прямого текста. Так, хронотоп Клондайк — золотая лихорадка, возникшая после того, как в районе реки Клондайк на территории Канады близ границы с Аляской в 1896 г. было открыто золото, — ассоциируется с миграцией золотоискателей к источнику обогащения. Имя собственное Mammon олицетворяет корыстолюбие (от имени бога наживы и богатства); имя Иуда (ученик Христа, предал его за 30 сребреников) стало нарицательным для обозначения предательства.

Некоторые ассоциации носят общечеловеческий характер (*библейзмы*), другие территориально и национально ограничены: черный цвет ассоциируется с трауром в Европе, в отличие от Японии, где эта функция закреплена за белым цветом. Только в России «век-волкодав» под влиянием стихотворения О. Э. Мандельштама обозначает тяжелое время, беспощадное к человеческой личности:

*Мне на плечи кидается век-волкодав,
но не волк я по крови своей.
Затихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.*

Как видим, активация тех или иных ассоциаций происходит в сознании и опыте далеко не каждого реципиента. Не все, что находится за рамками того, что постигается сознанием, вербализуется средствами языка. Речь идет о выводных знаниях, которые подсказываются интуицией читателя и прочитанными ранее произведениями — факторами, которые не совпадают у разных читателей. Следую-

ший пример из «Улисса» Дж. Джойса воспринимается как иллюстрация потока сознания только литературоведом: For a woman, Helen, ten years the Greeks made war on Troy <...>. I mustn't forget the letter for the press [Joyce, 1922, p. 3]. Для некоторых необходим ГТ, в котором выводные знания даются открытым текстом. Понимание примера из Дж. Джойса требует по меньшей мере трех гипотекстов: 1. Helen, 2. War on Troy, 3. The Greeks. Вслед за комментируемым текстом гетерогенный ГТ подвижен благодаря бесконечным гиперссылкам, которые касаются как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Следовательно, можно говорить о социальной обусловленности содержащейся в нем информации. ГТ не только объясняет, но и порождает новое.

Таким образом, ГТ выполняет по меньшей мере следующие функции:

- 1) воздействие на коммуникативную область партнера по коммуникации с целью сокращения гносеологического расстояния между коммуникантами;
- 2) социальное приспособление тезауруса адресанта к тезаурусу адресата;
- 3) вербализация информации, не вербализованной в тексте.

СТАРЕНИЕ ГИПЕРТЕКСТА КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Движение познания от незнания к знанию сопровождается старением информации — фундаментальной закономерностью, которая обусловлена появлением новой информации, уточняющей или отрицающей прежние знания. Концепции имеют свойство устаревать под влиянием научно-технического прогресса, изменений социокультурного положения дел в реальности. История ускоряет свой бег, стремительный рост информационно-коммуникативных технологий сказывается на мире знаний и значений

лексических единиц и, следовательно, на гипертексте как средстве хранения информационных ресурсов, который благодаря флуктуациям в информационном пространстве и необходимости выработки новых категориальных представлений гносеологических объектов становится динамической системой. Неполнота информации или ее слишком тесная привязка к ограниченному отрезку времени неизбежны при создании гипертекста. Отсюда его старение, которое выражается в появлении новых форм и приписывании нового содержания старым формам. Устаревает и само ограничение информатики сферой научных знаний.

Сегодня пора отрешиться от представления о гипертексте как о явлении, которое дано нам раз и навсегда. Полный и точный гипертекст на все времена невозможен, вневременных описаний не бывает (если не считать библиоизмов, географических названий, имен собственных и т.п.). В этой связи подчеркнем, что в гипертекст не включают универсальные, фундаментальные понятийные категории, которые являются общечеловеческим достоянием и характеризуются культурной стабильностью, а также сведения, которые читатель легко может найти в общедоступных лексикографических пособиях.

Как посредник между разными эпохами и культурами гипертекст адресован современникам комментатора. Дистанция между адресантом и адресатом со временем увеличивается, для сокращения этого расстояния, для устранения культурно-исторического разрыва между автором и читателем и создается ГТ. Фиксация изменений в ГТ происходит дискретными шагами, но данные накапливаются непрерывно. Нарращивание информационных ресурсов и темпоральные изменения касаются числа подлежащих толкованию элементов, их содержательных характеристик, структурирования информации и траекторий навигации.

Старению гипертекста противостоит растущая степень свободы комментатора: со временем снимаются гипотетические и идеологические ограничения, особенно в связи с появлением Интернета. Прошлые препятствия становятся

возможностями. Показательно в этом плане высказывание Б. Рассела: «Положение, что все возникло из воды, следует рассматривать в качестве научной гипотезы, и отнюдь не в качестве абсурдной гипотезы. 20 лет назад взгляд, что все состоит из водорода, который составляет две третьих воды, был признанной точкой зрения» [Рассел, 1959, с. 44].

У содержательных изменений гипертекстов есть своя траектория: от преобладания статей о материальном мире к преобладанию статей концептуального характера. Когнитивная эволюция демонстрирует смещение интереса к духовным, социально-культурным, правовым, экономическим аспектам глобализации информационно-коммуникативных процессов. В трансформациях ГТ проявляются не отдельные случайные изменения, а наиболее общие когнитивно-парадигмальные тенденции мировоззренческого характера. Но именно они устаревают в первую очередь.

Каждое последующее поколение обладает новым уровнем информации о мире, обществе и человеке. В. Набоков писал: «Я много переводил — начиная с «Алисы», за русскую версию которой получил 5 долларов, и кончая всем, чем угодно» [Набоков, 1989, с. 136]. В английских вариантах книги «Другие берега» — «Conclusive Evidence» и «Speak Memoгу» — по поводу 5 долларов прибавлено: немалые деньги во времена инфляции в Германии (из предисловия Н. М. Демуровой к выполненному Набоковым русскому переводу книги Л. Кэрролла «Alice in Wonderland» — «Аня в стране чудес» [Демурова, 1989]).

Другой пример. На наших глазах изменяется отношение к семантике словосочетания «полароидный снимок»: уходит в прошлое техника создания таких снимков, считавшаяся последним словом фототехники в середине прошлого века. Через пять-десять лет это словосочетание будет нуждаться в пояснении.

Чем интенсивнее жизнь социума, тем быстрее стареет ГТ. Меняются осведомленность аудитории, локальные нормы понимания, значимость информации в разные эпохи. Например, цены типа «3.62» и «4.12» ассоциируются с вод-

кой и коньяком только в сознании тех, кто жил в советскую эпоху. Эти цены не нуждались в пояснениях 30—40 лет тому назад, но их ассоциативные связи могут остаться непонятными сегодняшним читателем или слушателем и требуют комментария. Аналогичным образом название романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь», который был обязательным для изучения в средней школе 20 лет тому назад, сегодня уже не является общеизвестным и нуждается в гипертекстовом пояснении.

Наиболее подвержены старению идеологические и аксиологические акценты. Они нуждаются в обновлении в первую очередь. Так, после расстрела Л. Берии подписчикам «Большой советской энциклопедии» от имени Государственного научного издательства «Большая Советская энциклопедия» рассылалось уведомление о том, как поступить со страницами, посвященными этому государственно-му деятелю: «Издательство рекомендует изъять из 5-го тома БСЭ 21, 22, 23 и 24 страницы, а также портрет, вклеенный между 22 и 23 страницами, взамен которых высылаются страницы с новым текстом. Ножницами или бритвенным лезвием следует отрезать указанные страницы, сохранив близ корешка поля, к которым приклеить новые страницы» [Большая советская энциклопедия, 1979].

Очевидна и идеологическая окрашенность вступительной статьи к изданному в 1961 г. в Советском Союзе роману Э. Войнич «Овод»: проводится параллель между событиями в книге и борьбой против царского режима в России: «And they saw in courage and extremism of the hero and heroine — the Gadfly and Gemma — the image of the desperation which drove young Russians, including Lenin's older brother, to plot for the overthrow of the Czar or even his assassination» [Войнич, 1961]. Если бы роман издавался сегодня, подобные идеологические установки были бы неуместны. Авторитарное навязывание единой, «правильной» нормы интерпретации, к счастью, ушло в прошлое.

Социально обусловленные перемены отражаются и на содержании толковых и энциклопедических словарей.

Сравним дефиниции слова «автаркия» в двух словарях, изданных с интервалом в 26 лет:

- Советский энциклопедический словарь (1979): «Автаркия — политика хозяйственного обособления отдельной страны; автаркией нередко прикрываются попытки империалистов к захвату других стран под предлогом создания обособленного хозяйственного производства. Автаркия была официальной экономической доктриной фашизма» [Советский энциклопедический словарь, 1979].

- Толковый словарь иноязычных слов (2005): «Автаркия — это экономическое обновление страны, направленное на создание замкнутого национального хозяйства, способного обходиться без ввоза товаров из-за границы» [Крысин, 2005].

Как видим, гипертекст погружен в пространство эпохи и общества, он обновляется и модифицируется с помощью более поздней информации.

Каждое время и каждый социум имеют свои аксиологические ориентации. ГТ обращен к прошлому, к уже освоенным и накопленным знаниям. Обновление может касаться устаревших форм, их содержания или того и другого одновременно. Так случилось с дефинициями терминов «кибернетика» и «генетика».

Восприятие целостности текста не должно затрудняться излишними деталями, поскольку в результате восприятия хорошо известного готовность к активности и усвоению информации резко снижается. В предисловии к «Ане в стране чудес» В. Набокова Н. М. Демурова пишет о затеянной автором «Алисы» «игре в нонсенс (или, по-русски, в бессмыслицу, чепуху)» [Демурова, 1989, с. 14]. Сегодня слово «нонсенс» уже не нуждается в таком внутриязыковом переводе.

Излишек информации может быть причиной непонимания. Известен случай, когда Марк Твен обратился к врачу с жалобой на периодические боли в плечевых мышцах, возникающие, когда он отводит назад правую руку, затем левую и делает обеими руками движение вперед, как бы

описывая полукруг. Врач спросил, что заставляет пациента периодически проделывать столь странные и сложные движения. В ответ он услышал: «Я надеваю пальто».

Чрезмерному потоку поступающей информации противостоит ее недостаток, мешающий адаптивному пониманию. Эффективное общение располагается на шкале между двумя крайностями: общение возможно, но бессодержательно (оба знают одно и то же) либо содержательно, но невозможно (коммуникантам есть что сказать друг другу, но они говорят на разных языках).

Гипертексты должны адекватно отражать объективные закономерности, явления и процессы реального мира, а их получение должно быть обеспечено методами, гарантирующими их истинность.

Отличия актуальных для данного текста и данного периода значений лексических единиц от общеупотребительных обусловлены взаимовлиянием лингвистического и экстралингвистического. В первую очередь это относится к фактору времени. Так, Р. Райт-Ковалева, переводчица романа Д. Сэлинджера, была вынуждена заменить «чизбургеры» «сырниками», поскольку в то время, когда создавался ее перевод, закусок типа «Макдональдс» в Советском Союзе не было.

Или другой пример: в ГТ к работе Р. Барта [Барт, 1987, с. 491] лишними, с точки зрения филолога, представляются комментарии: «эмфатические средства — средства выделения того или иного элемента в тексте», «бенефициарий — актант, в пользу которого совершается действие», «фатическая функция — языковая функция, цель которой — начать и поддерживать коммуникацию» (см. также «аорист», «ретардация», «коннотация»). А нефилологу такие пояснения, несомненно, полезны. Но ведь издание переводов работ Р. Барта рассчитано в первую очередь на филологов. Следует отличать глоссарий — словарь узкоспециализированных терминов в какой-либо отрасли знаний — от гипертекста, адресованного более широкому кругу пользователей.

Наиболее интенсивно устаревает выводная информация: некоторое знание дано нам непосредственно, другое выводится из знаний языка и знаний о мире. Пропась между тем, что сказано, и тем, что понято, может заполняться соотносением с тем, что было в предшествующем контексте или в памяти реципиента. Выводной характер имеет в первую очередь энциклопедическое знание: для этого необходимы апелляция к прошлому опыту (на основе того, что нам уже известно, выявляем неизвестное) и рассуждения, которые приводят к новым умозаключениям. Выводные знания доступны, если мы владеем правилами вывода и соблюдаем исходные постулаты коммуникации. Благодаря выводным знаниям мы понимаем, что во фразе «Бонд поднял одну из четырех трубок» (пример Р. Барта) речь идет о высоком социальном статусе Джеймса Бонда. Но в эпоху сотовых телефонов необходимости в четырех трубках для подтверждения своего положения в обществе уже не существует и о высоком социальном статусе на этом основании говорить не приходится.

Постижение иных эпох и культур обогащает нас не только новым знанием, но и новым творческим опытом, умением взглянуть на вещи по-новому. Учет фактора старения гипертекстов способствует оптимальной организации информационных потоков и улучшению информационного обеспечения пользователей.

НЕОБХОДИМОЕ И ДОСТАТОЧНОЕ В ГИПЕРТЕКСТЕ, ИЛИ КОММЕНТАРИЙ К КОММЕНТАРИЯМ

Бесконечность гипертекста в синхроническом и диахроническом аспектах погружает каждый его квант в постоянно меняющуюся информационную стихию. Комментируемый текст адресован либо известному, либо группе вероятных адресатов. Несчетность статей ГТ объясняется неестественностью комментатора никем и ничем, кроме его собственного тезауруса и способностью уловить амплиту-

ду колебаний исходящих от автора идей и целеустановок. Главное — «уметь ответить на них той же частотой» [Милосердова, 2001, с. 12]. Сам факт наличия или отсутствия просветительских комментариев — показатель семантической простоты или сложности комментируемого текста, с одной стороны, и нацеленности на адресат — с другой. Так, книга У. Эко «Имя розы» [Эко, 1989] (426 страниц текста), рассчитанная на высокообразованного читателя, снабжена «Кратким глоссарием», который содержит всего 67 статей.

Гипертекст должен в идеале снимать личностную обращенность адресанта и оставаться нейтральным со всех точек зрения, в том числе идеологической. На практике же не исключена ангажированность комментатора, который иногда пытается навязать пользователю свою эстетическую или идеологическую позицию. Пользователь, однако, волен нейтрализовать эту предвзятость. Он принимает решение — заглянуть или не заглядывать в ГТ, а если заглянуть, то что из него выбрать, пренебрегать или не пренебрегать перекрестными ссылками. Парадокс состоит в том, что, имея право выбора, читатель все-таки следует указаниям комментатора. Работая с ГТ, читатель заходит в процессе понимания настолько глубоко, насколько это ему необходимо. Чем больше мы объясняем, тем лучше мы понимаем. (А. П. Чехов, правда, считал, что изобилие примечаний мешает ему сосредоточиться: «знаки вопроса, sic! представляются мне покушением и на личность автора, и на мою читательскую самостоятельность» [Чехов, 1979, с. 414].)

Гипертекст историчен. До какой степени возможно и желательно приспособление ГТ к изменениям в окружающей действительности? Оправдан ли факт включения в ГТ преходящей информации, значимой в ограниченный период времени и в ограниченном пространстве? Объект остается самим собой, но значимость его в разных картинах мира и в разные эпохи не постоянна. Со временем аттракторами гипертекста становятся разные участки комментируемого произведения: меняются границы и приоритеты концептов, что необходимо отражать в ГТ: в семидесятые годы про-

шлого века напиток «кока-кола» и сигареты «кэмел» в России комментировались («прохладительный напиток, приготовленный из семян кустарникового дерева *кола* и других растений, содержащих кофеин», и «марка американских сигарет» соответственно). Эти комментарии заимствованы из адресованных российскому читателю изданий английских и американских авторов, опубликованных в 1968 и 1978 гг.

Аналогичным образом, в комментариях к книге И. Ильфа и Е. Петрова «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска» [Ильф, Петров, 1989, с. 4] читаем: Варварка — ныне улица Разина, сегодня эта улица снова называется Варваркой. Тверская улица снова стала ею после долгого существования под названием ул. Горького, то же с Мясницкой (ныне ул. Кирова), Лубянская площадь — теперь площадь Дзержинского, Воздвиженка — просп. Калинина, город Самара, переименованный в 1935 г. в Куйбышев, а затем снова в Самару, Нижний Новгород — с 1932 г. Горький. Сомнение в целесообразности включения в ГТ возникает и в отношении источника информации в комментарии: нужно ли указывать в статье *экспозе*, например, что «согласно словарю иностранных слов, фр. *экспозе* означает...». В качестве источников в этом ГТ указаны также Военный энциклопедический словарь. М. : Воениздат, 1984; Политический словарь. М.: 1940 и нек. др. Сказанные по поводу художественного текста, следующие слова приложимы и к статьям ГТ: «Никогда не следует исчерпывать предмет до того, что уже ничего не остается на долю читателя. Дело не в том, чтобы заставить его читать, а в том, чтобы заставить его думать» [Монтескье, 1955, с. 316]. (Приводимые примеры, разумеется, не имеют ничего общего с регулярной репрезентацией фрагмента действительности в языковых формах, которая, как известно, осуществляется в соответствии с постулатом: один фрагмент — несколько репрезентаций, одна репрезентация — несколько фрагментов.)

Диалог «автор :: читатель» предполагает напряженный труд с обеих сторон. Автор должен позаботиться о подборе

языковых средств, обеспечивающих адекватное понимание текста, например, в виде семантической редупликации: «Я конесер-с, или, как простонароднее выразить, я в лошадах знаток и при ремонтерах состоял для их руководствования» [Лесков, 1989, с. 197]; читатель, имея дело не только с текстом, но и с многочисленными комментариями к нему, постоянно принимает решение относительно того, нужно ли ему выходить за его пределы в область ГТ.

Отказ от идеи завершенности создает основной признак и достоинство гипертекста — его антицелостность: в нем нет ни начала, ни середины, ни конца. Границы между статьями ГТ носят не онтологический, а гносеологический характер. Читателю нет дела до отношения частей к целому ГТ, потому что целого не существует. В теории текста целостность — неременная характеристика произведения любого жанра. Она создается логическими, структурными или формально-грамматическими, смысловыми и коммуникативными средствами связи между частями. Так возникает текстовая прогрессия, или смысловое развитие смысла предшествующих предложений, — появление в следующем предложении новой информации, нанизываемой на уже имеющуюся (тема-рематическая организация высказываний) благодаря лексическим и синтаксическим параллелизмам и некоторым другим инструментам текстообразования). Эти средства создают смысловую «скважность» текста, определяемую Н. И. Жинкиным как дискретность перехода от одного смысла к другому в рамках одного текста [Жинкин, 1978, с. 52]. Лексико-грамматическое развертывание текста призвано схватить, «сфотографировать» и изобразить «размытость» мысли, материализовав ее в лингвистических единицах. На этом пути автора текста подстерегает противоречие между «многомерным (реальное) и одномерным (язык) пространствами, <...> противоречием, с которым литература решительно не желает смириться» [Бахтин, 1979, с. 332], хотя очевидно, что совпадение названных пространств исключено.

Континуальность мысли противится воссозданию с помощью дискретных единиц, однако денотативное единство текста и комбинаторика лексем и синтаксических конструкций создают возможность приближения к адекватному воплощению мысли. Отсюда холизм, замкнутость текста, с одной стороны, и атомизм, открытость гипертекста — с другой. Главное, чтобы статьи ГТ не входили в парадигмальные противоречия друг с другом. Процессы, вещи, свойства открываются воспринимающей личности одной из своих сторон. Именно так воспринимается и ГТ, обеспечивая взаимодействие адресанта и адресата на контекстуально-тематическом, референтном и социально-этническом уровнях. Лексическая невоплощенность некоторых сведений в комментируемом тексте является ключом, открывающим доступ к многочисленным коридорам лабиринта, движение по которому определяет успешность понимания комментируемого текста. Ход мысли, по мнению И.-В. Гете, подобен ткацкому станку («Я — океан, и зыбь развития, и ткацкий стан с волшебной нитью»), где нити приводятся в движение одним толчком, где разом завязываются тысячи связей [Гете, 1985, с. 22]. Маршрут в этом лабиринте непредсказуем, так как последний открывает множество альтернатив. Читатель путешествует по смысловому лабиринту текста и тем самым выбирает путь чтения, создавая свой текст. Вид и объем усваиваемой информации зависит от творческой активности пользователя. Существующие различия в алгоритмах чтения текста проиллюстрированы автором «Имени розы» У. Эко: чтение текста подобно движению по одному из трех типов лабиринта. В первом типе Тезей входит, благодаря нити Ариадны добирается до центра, убивает Минотавра и уходит. Во втором — по мере того как разматывается нить Ариадны, Тезей находит не центр лабиринта, а некое дерево, часть ветвей которого ведут в никуда. Наконец, третий тип представляет собой сеть, каждая нить которой может быть связана со всеми остальными, и тут нет ни центра, ни входа, ни выхода. К гипертексту приложим третий способ путешествия по лабиринту.

Наличие гипертекста — это не всегда актуализированная возможность его использования. Концентрация внимания реципиента предопределена его способностью отбирать и осмысливать информацию. Информационное и многокомпонентное богатство ГТ открывает читателю доступ к необозримой массе сведений, часть которой избыточна для отдельных реципиентов. Результат отбора не может считаться единственно возможным: для текста важнее интеграция информации, а для ГТ — ее членение. Созданный в форме гипертекста роман В. Набокова «Бледное пламя» являет собой пример того, как эти процессы дают читателю способ создавать свой текст, обращаясь к одним и пренебрегая другими пояснениями. Американский писатель Р. Федерман опубликовал роман «На ваше усмотрение», который можно читать с любого места, тасуя пронумерованные и несброшюрованные страницы (ср. также «Хазарский словарь» М. Павича и «Если однажды зимней ночью путник» А. Кальвино).

Каждый комментатор всегда представляет определенную парадигмальную группу, а парадигмы, как известно, недолговечны в силу неисчерпаемости кумулятивного опыта. Исчерпанность одной научной парадигмы и ее смена другой неизбежно накладывают свой отпечаток на содержание комментариев: с исчезновением теорий флогистона и теплорода из научного обихода исчезли и сами термины, поэтому сегодняшний читатель, встретивший эти термины, нуждается в комментариях, например, такого характера: «флогистон (от греч. *воспламеняемый, горючий*) — по представлению химиков конца 17—18 вв., начало горючести, гипотетическая составная часть веществ, которую они якобы теряют при горении и обжиге. Гипотеза флогистона опровергнута трудами А. Лавуазье» [Советский энциклопедический словарь, 1979]. Остается открытым вопрос, нужно ли дополнить статью ГТ о флогистоне примечанием о личности Лавуазье.

Чем больше парадигмальных различий в картинах мира адресанта и адресата, тем вероятнее потребность в ГТ.

Ц. Ломброзо понимал, что читатели его книги «Гениальность и помешательство» [Ломброзо, 1892, с. 180] вряд ли знают Крейсlera (современника Гофмана), но полагал, что сам Гофман им известен, потому он сопроводил фамилию Крейсlera сноской: «Подобно Гофману, Крейслер поглощен какими-то сумасбродными идеалами, вечно враждует с действительностью и кончает сумасшествием». Специалистам по ГТ предстоит определить, насколько правомерен такой выбор. Как исполнитель музыкальной пьесы может менять акценты или интонацию произведения, так и пользователь ГТ меняет объем и глубину читаемого в зависимости от меры его включенности в мир ГТ. Иными словами, читатель создает не только свой итоговый текст, но и свой ГТ, который может оказаться информационно перегруженным для одного, но недостаточным для другого. Всё зависит от тезауруса, языковой компетенции и культурологического уровня гипотетического пользователя, а также от особенностей описываемого объекта.

Комментарии необходимы в связи с переинтеграцией аксиологических шкал: лишенное 20 лет тому назад оценочных коннотаций слово *крыша* в значении «покровительство» сегодня без них употребляется гораздо реже, чем с коннотациями. Это же слово в составе идиомы «крыша поехала» является модификацией словосочетания, которое встречалось в «Докторе Живаго» Б. Пастернака («Со всей России слетела крыша»). Или другой пример: в «Словаре иностранных слов» [Алехин, 1988] *амбиция* трактуется как обостренное самолюбие, самомнение, спесь. Слово *амбициозность* в этом словаре отсутствует. В «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина существительное *амбиция* дефинируется как обостренное самолюбие, спесивость, чванство; форма мн. числа сопровождается пометой *неодобр.*: необоснованные притязания на что-либо. Прилагательное *амбициозный*, согласно этому словарю, имеет два значения: 1) чрезмерно честолюбивый; 2) претендующий на высокую оценку, на успех [Крысин, 2005]. Последние

исследования показали, что *амбициозность* характеризуется не только отрицательными (стремление достичь успеха любой ценой, излишний прагматизм, неумение сполна оценивать достоинства и признавать заслуги других), но и положительными качествами (целеустремленность, настойчивость, предрасположенность к высокой активности, самооценке, уверенность в себе) [Елифанова, 2006].

Непредвзятость в отборе фактов и способах их комментирования — скорее желательная, нежели реализованная характеристика комментария. То же можно сказать о праве комментатора на личностные оценки излагаемого. Представляется неуместным патетический тон статьи В. П. Руднева о Л. Витгенштейне и его желании ехать в Россию: «Неужели он не понимал, что творилось тогда в СССР, неужели он не понимал, что это уже давно была не родина Толстого и Достоевского?» [Руднев, 1999, с. 43].

Изменение темы и слушателя/читателя оказывает заметное влияние на роль ГТ в понимании текста. Оставаясь в рамках чисто языкового взаимодействия, выявить сущность понимания невозможно. Понимание текста как объекта восприятия зависит от субъективных факторов, а последние от того, кому адресован текст. Отсюда — предназначенность и комментариев. В биологическом тексте значение слова *морфология* разъясняется для лингвиста (комплекс наук, изучающих форму и строение животных и растительных организмов), в языковедческом — для биолога (раздел грамматики, изучающий структуру слова и выражение грамматических значений в пределах слова). Широкий контекст влияет на интерпретацию слушающим/читающим обращенного к нему высказывания. Представленные знания и знания не представленные указывают на тех, на кого рассчитан исходный текст (с точки зрения возраста, образовательного ценза, социально-групповой или региональной принадлежности личности), и на то, когда и кем текст и гипертекст были созданы. Гипертекста для всех, по-видимому, не существует. Для всех существуют разные типы словарей — толковые,

энциклопедические, синонимические и др. В этих словарях вокабулы, которые попадают в ГТ, обычно сопровождаются пометами типа «юридическое», «просторечное», «региональное», «устаревшее» и др.

Трудно сформулировать строгие критерии необходимого и достаточного в ГТ. Для выработки таких критериев важно иметь в виду, что для разных пользователей они будут различны.

Как показывают наблюдения, ГТ должен дать представление о возможно большем числе феноменов, включенных в наше культурное наследие. При этом в ГТ не следует включать:

универсальные, фундаментальные понятийные категории, поскольку они являются общечеловеческим достоянием;

энциклопедические знания, характеризующиеся высокой степенью культурной стабильности;

сведения, отсутствие которых не препятствует взаимопониманию в сфере картины мира, релевантной для читателя комментируемого произведения;

справки, которые читатель легко может найти в общедоступных лексикографических пособиях.

Можно усомниться в необходимости расширять статьи ГТ за счет имен, которые сегодня у всех на слуху, но через какой-то период времени сами будут нуждаться в пояснениях.

Однако автор гипертекста не может быть безразличен к ожиданиям пользователя, поэтому практически неисчислимое разнообразие того, что может нуждаться в комментариях с точки зрения среднестатистического читателя, должно найти отражение в гипертексте; это прежде всего специфические способы отражения внеязыковых и лингвистических ситуаций (например: *масленица* — старинный славянский праздник проводов зимы, от которого сохранился обычай печь блины и устраивать увеселения):

инокультурные феномены (Рейх — германское фашистское государство под управлением нацистов с 1933 по 1945 г.);

онимы (Шуйский И. В. — князь, боярин, воевода, фактический правитель России в 1538—1540);

мифологизмы (авгиевы конюшни — в греческой мифологии огромные и сильно загрязненные конюшни царя Авгия, очищенные от нечистот в один день Гераклом, напавшим в них воды реки);

прецедентные тексты («Что станет говорить княгиня Марья Алексевна?») — зависимость человека от общественного мнения);

отклонения от нормативных правил функционирования языка (англ. it ain't, — it isn't);

отсутствующие в словарях диалектизмы (англ. 'orrible — horrible, couldja — could you);

топонимы (Мейфэр — фешенебельный район Лондона, символ богатства и элегантности);

экзотимзы (argumentum ad hominem — доказательство, основанное не на объективных данных, а рассчитанное на чувства убеждаемого);

архаизмы (перси — то же, что грудь);

неологизмы, не зарегистрированные словарями («ботаник» — чрезмерно старательный ученик или студент, «сачок» — бездельник);

«ложные друзья переводчика» (magazine — журнал, а не магазин);

профессионализмы («простой» — вынужденное нерабочее состояние);

оказионализмы («огончарован» у А. С. Пушкина — очарован Гончаровой);

реалии (кокошник — старинный, преимущественно северорусский женский головной убор в виде разукрашенного щитка надо лбом);

современные *аббревиатуры* (ПАСЕ — парламентская ассамблея совета Европы);

сленгизмы («крышевать» — обеспечивать охрану преступной группировке) и нек. др.

Предлагаемый перечень типов гипертекстовой информации, естественно, не исчерпывает всего диапазона того,

что может нуждаться в комментариях; это эмпирически полученный набор наиболее частотных сведений, которые встречаются в книгах, рассчитанных на русскоязычного читателя. Каким бы разветвленным ни был ГТ, он всегда может быть пополнен в связи с расширением круга читателей и парадигмальных сдвигов. Введение или устранение статей отдается на усмотрение издателя и комментатора, которые представляют определенную цивилизацию или социальную группу. Ориентиром к упорядочению статей является их соответствие времени и месту того, что описывается в исходном тексте и в сопровождающем его гипертексте. Ответом на упрек в неполноте предлагаемого списка могут служить многочисленные переходы от одной статьи к другим с помощью перекрестных ссылок.

Особо следует сказать о требующей пояснений многозначности слов в диахроническом аспекте: *пустынный* во времена А. С. Пушкина значило «одиноким», а *соблазнительный* значило «скандальный». В современном русском языке *злокачественный* значит «очень опасный, грозящий смертью: злокачественная опухоль» [Ожегов, Шведова, 1992]. Прилагательное *злокачественный* у Ф. М. Достоевского [Достоевский, 1957] имело значение и употребление, отличные от современного: «Ивану Ильичу показалось даже, что в глазах его есть что-то холодное, затаенное, даже что-то себе на уме, особенное, *злокачественное*» (с. 26); «Злокачествен был один господин с бородкой, какой-то вольный художник» (с. 39); «зато явилась одна *злокачественная* женская фигура, показывавшаяся прежде, в каком-то красноватом шелковом платье» (с. 39); «Вдруг послышался раздирающий крик ... самого *злокачественного* свойства» (с. 53). Одна из синтезирующих функций ГТ состоит в объединении разных локусов и эпох.

Забытое прошлое по воле комментатора может быть приближено к современному читателю: «коричневый утиный *картуз* был похож на головной убор, который носили поклонники утиной охоты; нечто близкое можно увидеть на либерал-демократе В. Жириновском» [Ильф, Петров, 1989]

(ср. с определением С. И. Ожегова: «картуз — мужской головной убор с жестким козырьком; не форменная фуражка»). Или: американский шкаф — комбинированный шкаф, состоящий из частей разного назначения, примерно то, что теперь называют «стенкой» (там же, с. 443). Пройдет, однако, некоторое время, и сама фамилия либерал-демократа потребует комментария.

За лексическими единицами стоят понятия, предметы и явления, отягощенные многочисленными ассоциациями. Чем многозначнее слово, тем больше у него ассоциативных рядов, что, в свою очередь, зависит от личного опыта и фоновых знаний читателя; а чем больше у лексической единицы семантических и ассоциативных рядов, тем необходимее гипертекстовые ссылки [Шехтман, 2005б, с. 132]. Мир текста с помощью этих ссылок становится ближе миру читателя.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ ТЕКСТА И ЕГО ПОНИМАНИЕ

Одной из наиболее прагматически значимых, но мало изученных характеристик текста является его напряженность, т.е. «степень его смысловой и содержательной новизны для читателя» [Валгина, 2003, с. 231]. С точки зрения Н. Н. Остринской, напряженность текста создается различными средствами, обеспечивающими эмотивно-экспрессивную составляющую текста [Остринская, 2013, с. 330]. Мы будем исходить из того, что обсуждаемая особенность текста является результатом пропуска смысловых звеньев. Это затрудняет понимание текста как реконструкцию его смысла, без чего ориентация индивидуума в окружающей действительности невозможна. Конструктивность напряженности состоит в том, что она представляет собой источник новой информации. Но если она остается не воспринятой адресатом и он не может сделать ее доступной для другого, она становится деструктивной: таковы тек-

80

сты узких специалистов в руках лиц, не причастных к этой специальности. То, что само собой разумеется для одного реципиента, например алгебраиста, требует пояснений для геометра — ситуация, обозначенная древними максимой *verbum satis sapienti est* (enough said, the hearer can fill in the rest). Следовательно, напряженность — категория субъективная, обусловленная сложностями, возникающими при восприятии содержания текста разными реципиентами, которые различаются фоновыми знаниями, социально-психологическими установками, ценностными ориентациями. Коммуниканты должны обладать предварительными сходными знаниями об объекте осмысления.

Задача усложняется, если иметь в виду, что «никто не понимает слово в точности так, как другой, и это различие, пускай самое малое, пробегает как круг по воде, через всю толщу языка. Всякое понимание поэтому всегда есть и непонимание, всякое согласие в мыслях и чувствах — вместе и расхождение» [Гумбольдт, 1984, с. 84]. Отсюда поливариантность понимания текста: вопрос «Что вы делаете?» может быть понят либо как запрос информации, либо как неодобрение чьих-либо действий. Особенно этот тезис актуален для художественного текста. С другой стороны, научные тексты, технические инструкции, математические объяснения исключают возможность двоякого толкования, их содержание сводится к последовательности значений лексических единиц. Однако для неподготовленного читателя именно такие тексты оказываются наименее доступными.

К факторам, повышающим напряженность текста, в первую очередь относятся:

1. *Обилие специальной терминологии*: When an amplitude-modulated broadcast transmitter during a moment when no music or speech is being broadcast, the antenna sends out its radio signal at a constant intensity or amplitude [Турк, Стойкова, 1975, с. 39].

В эту рубрику отнесем и *употребление окказионализмов*: She's lived half her life in diplomatic society, in half the capitals of the world, she's remained hopelessly *American*

(Maugham). Значения «провинциальный» у выделенного слова не зафиксировано ни в одном словаре.

2. *Наличие неявных смыслов*: кроме идентификации языковых значений в смысле высказывания присутствуют выводные, не вербализованные адресантом знания, которые находятся над языковой системой, в области интуиции читателя и требуют от адресата напряженной интеллектуальной работы для получения семантического вывода. Индуцируемые знания восстанавливаются адресатом на основании своего опыта и соотнесения данного фрагмента текста со всеми предшествующими. Отсюда противопоставление импликаций и инференций. Импликации — это то, что имеет в виду адресант, инференции — это мыслительная деятельность адресата, когнитивная операция, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, читатель выходит за пределы буквального значения единиц и обретает способность разглядеть за рассматриваемой языковой формой больше содержания, чем зафиксировано ее отдельными частями [Кубрякова, 2004, с. 411]. Мы судим о том, чего нет, по тому, что фактически представлено в тексте. Выводные знания субъективны: каждый реципиент соотносит прочитанное или услышанное с тем, что он читал или слышал ранее, что является сугубо индивидуальным — у каждого свои прочитанные ранее книги, интеллектуальный кругозор [Шехтман, 2012, с. 273]. Информационная новизна и содержательная насыщенность текста обогащаются благодаря инференции, которая обнаруживает приращение смысла не за счет зрительных или слуховых систем, а в ходе мыслительной деятельности. Выводные знания делают описание более экономным: оно охватывает большее число фактов с тем же самым числом принципов и правил. Лакуны, цитирование (обращение к прошлому), редкая лексика (отсутствует в частотных словарях) повышают порог, необходимый для интеллектуального восприятия напряженного текста.

3. *Референтная неоднозначность лексических единиц*, которая снимается их семантической совместимостью, т.е.

способностью ограничивать свое контекстуальное окружение, при котором значение **A** предполагает значение **B**: Well, let us put it that there are *rules of the game* which must be observed if society is to function at all (J. Galsworthy). И с другой стороны: Only a *hunter's* instinct led him to where the *game* were thickest (J. B. Priestley). Существительное *game* в одном контексте со словом *hunter* означает «animals hunted for sport or food», тогда как в одном ряду со словом *rules* оно значит «sport, fun».

4. *Вкрапления на иностранных языках*: His career as a Catholic was in fact no less successful than the career as an *homme du monde* (Maugham). Автор ограничивает круг своих читателей, употребляя «*homme de monde*» вместо общепринятого в английском языке «*man of the world*», тем самым демонстрируется оппозиция «свой» :: «чужие». Адресат сознательно выделяет субъектов своего окружения. По мысли Ю. С. Степанова, «это противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является концептом всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов, 2004, с. 126].

Содержательная доступность — это результат коммуницируемости знаний. Вербальное знание выражено в лингвистических единицах, невербальные знания представлены в виде образов, чувственного опыта, графиков, схем, формул и под. Обыденное знание опирается на здравый смысл, научное знание характеризуется доказательностью, эмпирической верификацией. Переход от незнания к знанию возможен в условиях нейтрализации напряженности текста, которая предполагает перевод одного рода знаний в другие.

К перечисленным факторам, которые делают текст напряженным, можно добавить *насыщенность текста именами собственными и сокращениями*.

Понимание обеспечивается свойственным адресанту осознанным стремлением целенаправленно управлять восприятием адресата с целью сузить или устранить границы непонимания. Неравенство знаний адресанта и адресата о

внешнем мире нейтрализуется с помощью конверсационных правил вербализации этих знаний. Если этого не происходит, возникает напряженный текст. Такова первая фраза повести Саши Соколова «Между собакой и волком», призванная обозначить дату описываемых событий: «Месяц ясен, за числами не уследишь, год нынешний». Сформулированная таким образом дата является носителем информации прагматического, но не фактуально-денотативного характера. Напряженность текста повышается благодаря обилию пустых знаков, т.е. знаков, в которых трудно установить связи означающего с действительностью. Сбалансированное взаимодействие тезаурусных и логических выводных знаний облегчает проспективность контекстуальной догадки: читатель руководствуется стандартным способом обозначения дат — месяц, число, год — и ассоциативными связями лексических единиц (в данном случае связь с известной песенкой «Светит месяц, светит ясный»). Напряженный текст рассчитан на активного читателя, его сотворчество в постижении смысла.

Стремление целенаправленно управлять восприятием адресата обеспечивается применением дискурсивных практик интерпретации, к которым относятся внутриязыковой перевод или сноски, детализация изложения, отсылка к гипертекстам:

А. Сноски: «Быстрыми вихрями кружатся шестиклиники, мелькают ноги в чулках «капрон» (В. Шукшин).

Юбка особого покроя, модная в 1950-е годы.

Сравнительно новые для легкой промышленности капроновые ткани были в это время знаком «моды» и «дефицита».

Б. Детализация изложения: чем детальнее наши знания о мире, тем ниже напряженность текста и тем выше степень понимания текста, повествующего об этом мире. Чем больше деталей, тем понятнее текст: «I have survived it and shall put it behind me? And not talk nor think about it? Ever again, because I am alive. I can feel, touch, see, hear, smell, look after myself, discharge from hospital, find a taxi and get myself home (R. Pilcher).

Но самым эффективным инструментом снятия напряженности текста является

В. Гипертекст — некоторый **нелинейно** организованный объем политематической информации, интегрирующей информационные ресурсы, между которыми могут быть установлены перекрестные ссылки [Шехтман, 2009, с. 87].

В ГТ устанавливаются отношения и связи единиц исходного текста с единицами комментариев, а также между единицами самих комментариев. ГТ используется для одновременного представления знаний и параллельной обработки информации. В ГТ нет целостности, то, что в нем есть, обусловлено исторически, этнографически и иными подобными связями того, что есть в линейном тексте, с тем, чего в нем нет. Понимание текста — особенно инокультурного текста — требует комментария, т.е. способа согласовать тезаурусы адресата и адресанта, степень подробности, детализация которого детерминирована расстоянием (как во времени, так и в пространстве) между адресантом и адресатом. Чем больше расстояние, тем подробней и богаче должен быть комментарий, поскольку адресанту неизвестно, что знает, а чего не знает анонимный адресат, особенно если они принадлежат к разным социальным, идеологическим и иным общностям. Цель комментария — сократить дистанцию между ними.

ГТ — это также инструмент измерения напряженности текста: чем больше в нем гипотекстов, тем, вероятно, напряженнее комментируемый текст.

Авторы текстов, адресанты, могут быть расположены на разных точках шкалы в зависимости от желания и умения сделать содержание текста максимально доступным, а значит, наименее напряженным для адресата. Применительно к английской литературе речь может идти о Дж. Джойсе, с одной стороны, и Ч. Диккенсе — с другой.

Результат коммуникативного взаимодействия зависит от того, находятся ли его участники в одинаковых условиях с точки зрения языка, культуры, эпохи, мировоззрения.

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ И РОЛЬ ГИПЕРТЕКСТА В ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Текст принадлежит прошлому. Читатель вступает в диалог с его автором, со своим накопленным ранее опытом, с другими текстами. В диалоге как продуктивной и рецептивной деятельности участвуют когнитивные базы, эмпирика других индивидуумов.

Чтение начинается с осознанного или неосознанного частичного непонимания текста. Существуют лингвистические и энциклопедические горизонты, ограничивающие возможности человеческого понимания. То в тексте, что не является общепонятным, связано либо с жанром, либо с эпохой, либо с национальной спецификой коннотаций и ассоциативных связей лексических единиц. Сложности понимания связаны и с многозначностью, прямыми и переносными значениями слов, их омонимией, иронией, персонификацией и т.д.

Коммуникативные неудачи — это ситуации, когда реципиент понимает не все (игнорируется часть информации, релевантная с точки зрения отправителя сообщения), либо понимает не так (ложное толкование), либо не понимает вообще. Невозможность установить референционную, социальную отнесенность текста приводит к тому, что речевое произведение не выполняет своего предназначения. В этом случае неудача является результатом коммуникативных лакун: в тексте недостает информации, предположительно известной и адресанту, и адресату.

Но язык не может служить серьезным препятствием для тех, кто хочет понять друг друга. Людей, говорящих на одном языке, разделяет не язык, а различия в индивидуальных тезаурусах, жизненном опыте, культуре и образовании: для русского языкового сознания *березка* — это не только порода дерева, но и олицетворение «русскости», с одной стороны, и стройности — с другой. Для норвежца *березка* — это олицетворение выносливости.

Действительность может отражаться в тексте с большей или меньшей объективностью. На этот фактор накладывает свой отпечаток личное отношение автора к описываемой ситуации и отношение реципиента к воспринимаемому. В рассказе Н. Саррот «Я не понимаю» сигнал непонимания предстает как защита своего достоинства, свободы и независимости. Автор рисует следующую ситуацию: на скамейке в парке сидит человек, который начинает разговор со всяким, кто садится рядом с ним, последний делает вид, что слушает, поддакивает, качает головой, принимает внимательный, заинтересованный вид. И только один человек после нескольких минут слушания заявляет, что ничего не понимает. Это делает рассказчика счастливым: хоть кто-то постарался вникнуть в суть его слов. Оказывается, он произносил бессмысленные фразы и таким образом «проверял» своего соседа по скамейке на предмет понимания [Саррот, 2011]. Значит, стремление к взаимопониманию присутствует не всегда, поэтому правила коммуникативных практик должны предусматривать и сбои, одной из причин которых может быть намеренный отказ от коммуникативного сотрудничества.

Условием взаимопонимания является совпадение пресуппозиций (общего фонда языковых и энциклопедических знаний адресанта и адресата) и их правильное оценивание участниками коммуникативного процесса. В мире нет двух личностей, имеющих совершенно одинаковые пресуппозиции и ассоциативные поля. Это относится к физической реальности, биосфере, техносфере, социальной и духовной жизни индивидуума. Так, в истории бурно развивающейся России совсем недавно возник лозунг оппозиционеров «За Россию без ед-ра», непонятный для человека, не знакомого со стремлением части политических деятелей противопоставить себя партии «Единая Россия».

Вероятность ошибок и искажений в представлении информации в ГТ обратно пропорциональна квалификации комментатора, в частности его способности выбрать источ-

ники информации. Чрезмерно большой круг источников снижает возможности удачного выбора, когда уровень найденной информации соответствует запросам пользователя.

Общение опосредовано семиотическими системами коммуникантов. Гипертексты с их взаимно дополнительными сведениями как раз и являются такими системами. Они представляют в знаковой форме знание об объекте, проверенное на предмет адекватного отражения состояния дел в реальной действительности. ГТ рассчитан на средне-статистического читателя, который может и не идентифицировать того, что имеет в виду адресант, например, под словосочетанием «притча Шопенгауэра». Воспроизведение этой притчи в ГТ восполнит имеющийся пробел: стадо дикобразов легло в один холодный день тесной кучей, согреваясь взаимной теплотой, чтобы не замерзнуть. Однако вскоре они почувствовали уколы от игл друг друга, что заставило их лечь подальше друг от друга. Затем потребность согреться заставила вновь их придвинуться, они попали в прежнее неприятное положение, так что они метались из одной печальной крайности в другую, пока не легли на умеренном расстоянии друг от друга, при котором они с наибольшими удобствами могли переносить холод. Эта притча интересна и для теории коммуникации в целом: она демонстрирует трудности установления контакта, гарантирующего успех общения.

Смысл высказываний и текста в целом субъективен, так как он возникает в контексте диалога адресанта и адресата на стыке их априорных фоновых знаний, кругозора, жизненного и творческого опыта и несводим к последовательности значений элементов, из которых складывается смысл текста. В ГТ объективировано то, что отсутствует в тезаурусе одного из коммуникантов, когда их тезаурусы рассогласованы как в случаях с образованными и невеждами, единомышленниками и людьми разных научных парадигм, социально дистанцированными и социально близкими личностями. У каждого индивидуума существуют свои

причины взаимонепонимания: это и расхождения фоновых знаний, и неприятие коммуникативных целей общающихся, и желание показать свое интеллектуальное превосходство. Сюда же отнесем абстрактный характер используемой лексики, изложение событий с отступлениями от привычных хронологических практик, отсутствие кодового знания (восприятие несловесных текстов: графиков, карт, чертежей, их перевод на конкретный язык), глухость к интертекстуальности. Следует добавить, что никакой исследователь не может выявить всех аллюзий и реминисценций, поэтому информационный шум при разработке некоторых зон ГТ, по-видимому, неизбежен.

Бесспорно, что отсутствие сбоев — условие успешности коммуникации. Но коммуникативные неудачи имеют и положительный аспект, трактуемый в терминах проявления человеческого духа в его устремленности к новым поискам и творческим прорывам. Сбои способствуют возрастанию интереса к предмету обсуждения, концентрации внимания, пробуждению желания понять непонятное.

Коммуникативные неудачи возникают, когда читатель ограничивается пониманием значений и не ищет смысла. Смысл более энциклопедичен и выводит читателя в экстралингвистическую реальность, включая духовный мир личности. Сбои возможны на терминологическом, стилистическом, семантическом, денотативном, грамматическом, коннотативном, идеологическом и др. уровнях. Чтение научного текста чаще всего сталкивается со сбоями на терминологическом уровне. Осведомленность в сфере причин неудач поможет созданию эффективных методов их преодоления.

Чем больше знаний накоплено человечеством, тем меньше относительная доля того, что знает отдельный индивид. Это сказывается на способности индивидуума понять текст. По остроумному замечанию Вацлава Гавела, «чем больше я знаю, тем меньше я понимаю». Наличие некоторой информации в памяти части социума не исключает ее отсутствия в тезаурусе другой части социума. Не совпа-

дают и степени оформленности и определенности гносеологического пространства в сознании разных личностей. Посредником между носителями разных картин мира, эпох и культур является гипертекст как средство координации ресурсов языковых сознаний и дискурсивной осведомленности с целью сопряжения деятельности коммуникантов.

Комментарий вряд ли нужен компетентному читателю. Не нуждаются в гипертексте имена, ставшие со временем хронотопами: «Золушка», «Дон Кихот», «Отелло» и им подобные. Этим руководствуются автор и комментатор, желающие сделать текст понятным более широкому кругу читателей (необходимо иметь в виду, что статус автора выше статуса толкователя, а произведение всегда бесспорнее примечаний). Существуют по меньшей мере три возможности эксплицитной семантической идентификации комментируемой единицы: внутриязыковой перевод, опора на выводные знания и собственно гипертекст в виде постраничных сносок и комментариев.

В первом случае значение лексической единицы трактуется при помощи отсылки к соседней единице по правилам семантической редупликации. В тексте всегда есть знаки, функция которых состоит в том, чтобы обнаружить смысл других знаков. Происходит не просто перевод одних знаков в другие, а перевод именно значений, что и обеспечивает понимание текста. На это обстоятельство указывал Р. Якобсон, когда он писал, что значение всякого знака есть его перевод в другой, альтернативный знак [Jacobson, 1959, с. 232]. При этом референтная тождественность разных единиц плана выражения обеспечивает адекватность их понимания именно в данном контексте. Пояснение как часть ГТ включается в основной линейный текст: He was evidently *secretive* and *kept his own counsel* [Dreiser, 1953]. Толкования значения слова в тексте может быть недостаточно, так как дефинициям подлежат ассоциативные связи слов, их семантические поля, коннотации, не зафиксированные в общедоступных словарях.

Автор также рассчитывает на способность читателя опереться на свои выводные знания. Известно, что некоторое знание дано нам непосредственно, другое оказывается выводным; оно выводится из знаний языка и знаний о мире. Предложение «Торги шли в зеленой зоне» может быть адекватно воспринято, если учесть, что речь идет о торгах на валютном рынке и что рост котировок обычно обозначается в диаграммах зеленым цветом в отличие от падения цен на акции, обозначаемых красным цветом. Пропасть между тем, что сказано, и тем, что понято, может заполняться соотношением с тем, что было в предшествующем контексте или в памяти реципиента. Выводной характер имеет в первую очередь энциклопедическое знание: «макропропозиции не обязательно должны непосредственно быть выраженными в поверхностной структуре текста. Они должны быть выведены из семантической интерпретации слов, фраз, предложений или последовательностей предложений. Основная стратегия должна быть сформулирована в виде семантического вывода» [Ван Дейк, 1989, с. 59]. Для этого необходимы апелляция к прошлому опыту (мы выявляем неизвестное на основе того, что нам уже известно) и рассуждения, которые приводят к новым умозаключениям. Выводные знания доступны, если мы владеем правилами вывода и соблюдаем исходные постулаты коммуникации. А. П. Чехов отмечал: «Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он добавит сам» [Чехов, 1984, с. 129].

Использование ГТ предполагает принятие некоторых универсальных характеристик, которые не комментируются.

В большинстве случаев, однако, специально создается гипертекст в виде постраничных сносок или глоссариев трудных для понимания слов. Принципиальная задача глоссариев — объяснить слово не в языке, а в дискурсе, реальном социокультурном контексте: при языковом значении существительного *материки* — *крупные массивы земной коры, большая часть поверхности которых выступает над уровнем Мирового океана в виде суши, а периферическая часть*

погружена под уровень океана, — С. Т. Аксаков употребил *материк реки или пруда* в значении «самое глубокое место, *стрежень*», о чем сделал специальную помету в «Словаре трудных для понимания слов», встречающихся в его рассказах [Аксаков, 1994, с. 402]. Гипертексты восполняют пробелы в энциклопедических знаниях читателя. Примерами могут служить «*принцип дополнительности*» Н. Бора (согласно этому принципу квантовой механики, для полного описания квантовомеханических явлений необходимо применять два взаимоисключающих набора классических понятий, совокупность которых дает исчерпывающую информацию об этих явлениях как целостных) и «*естественный отбор*» Ч. Дарвина (процесс, приводящий к выживанию и преимущественному размножению более приспособленных к данным условиям среды особей, обладающих полезными наследственными признаками). Принятие во внимание данных сведений впоследствии оказывает существенное влияние на декодирование читателем смысловой структуры текста. Текст без ГТ воспроизводится многократно в типографии. Текст с ГТ воспроизводит в головах читателей содержательно разные тексты. Непритязательный читатель довольствуется тем, что написано открытым текстом. Другому нужна процедура опознания неэксплицированных смыслов, и тогда внутритекстовые или затекстовые комментарии отсылают к реальной действительности. Автор опирается на устоявшиеся ассоциации имен и строк и целых произведений. Так, В. Катаев [Катаев, 1994, с. 222, 244] требует от читателя некоторого интеллектуального напряжения для того, чтобы понять, каких авторов он имеет в виду, называя их «ключик», «командор» и нек. др.: Командор — В. Маяковский, Птицелов — Э. Багрицкий, Щелкунчик — О. Мандельштам, Мулат — Б. Пастернак, Вьюн — А. Крученых, Синеглазый — М. Булгаков, Конармеец — И. Бабель. В. Катаев предполагает, что некоторая информация имеется в памяти части социума, что не исключает ее отсутствия у другой части. «Подсказки» читателю могут иметь разные формы. Одна из них представляет собой

указание на произведение, безошибочно связывающее его с автором: «Мы промчались по безукоризненным бетонным дорогам, мимо архитектурных бесценностей, как бы созданных для того, чтобы в них играли Шекспира или ставили «Трех толстяков» ключика» [Катаев, 1994, с. 244]. Речь идет о Ю. Олеше, но для тех, кто незнаком с его творчеством, эта подсказка оказывается бесполезной. Сам В. Катаев так объясняет отсутствие точных имен и фамилий: «Это свободный полет моей фантазии, основанный на истинных происшествиях, быть может и не совсем точно сохранившихся в моей памяти. В силу этого я избегаю подлинных имен» [Катаев, 1994, 222]. Автор опирается на устоявшиеся ассоциации имен и строк и целых произведений: Командор и «Прозаседавшиеся», Королевич и «Разбуди меня завтра рано, засвети в нашей горнице свет. Говорят, что я скоро стану знаменитый русский поэт» [Катаев, 1994, с. 202]. Авторский ГТ совмещает писательский и читательский опыт. То, что комментируется, с точки зрения автора и издателя, дискурсивно востребовано, так как предполагается отсутствующим в опыте читателя.

Реципиент наделен определенной свободой нелинейной навигации в пространстве гипертекста. Навигация как указание на другой файл, путь к его содержанию — это синтагматизация парадигматических связей информационных единиц. В электронном ГТ его автор может ограничивать эту свободу указаниями на точные адреса. Предполагается, что этими адресами задан обязательный минимум, необходимый для понимания речевого произведения. В подобной роли могут выступать реалии и ключевые слова, однозначно связывающие текст с определенным дискурсом: *чалма — мусульманский мужской головной убор, представляющий длинный кусок ткани, туго обертываемый вокруг головы; факир — мусульманский фокусник; дервиш — нищенствующий мусульманский монах* [Ожегов, Шведова, 1992]. Как видим, гипертекстовые механизмы сокращения дистанции между когнитивными горизонтами адресанта и адресата успешно устранили возможные коммуникативные сбои.

ВЫВОДНЫЕ ЗНАНИЯ — КОМПОНЕНТ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

В науке изучение непосредственно наблюдаемого должно дополняться анализом той стороны объекта, которая воспринимается лишь ментально. Таков смысл текста — ментальное образование, моделирующее некоторый фрагмент окружающей действительности. Семантическая репрезентация передаваемой текстом информации складывается из значений единиц и синтаксических структур текста (системы языка), воспринимаемых непосредственно и опосредованно. Но кроме идентификации языковых значений в смысле высказывания присутствуют выводные, невербализованные знания (то, что находится над языковой системой, в области интуиции читателя). Этот процесс приводит к индуцируемому, выводному знанию. Оно восстанавливается адресатом на основании своего опыта и соотнесения данного фрагмента текста со всеми предшествующими. Выводное знание говорит нам о существовании некоторых фреймов, которые подсказывают индивиду суть невербализованного смысла.

Текст предъявляет к реципиенту определенные интеллектуальные требования, соответствие которым позволяет читателю или слушателю понимать и интерпретировать не только то, что сказано, но и то, что осталось в сознании отправителя сообщения, не получив языкового выражения. Это взаимодействие декларативных и процедурных знаний, имплицитных и эксплицитных смыслов: мы судим о том, чего нет, по тому, что фактически представлено в тексте. Форма (в том числе отсутствие вербализаторов смысла) оказывается решающим фактором в презентации смысла. Дифференциация декларативных и процедурных знаний является воплощением универсальной дихотомии *статика* :: *динамика*, *код* :: *сообщение*. Декларативные знания существуют в форме множества суждений о сущностях и явлениях в реальном и ментальном мире, об отношениях между ними, они само-

достаточны и приспособлены для передачи готового концептуального содержания. Таково, например, знание грамматики мертвых языков. В них важна связь означаемого с означающим. С другой стороны, динамичные, развивающиеся знания не только представляют, но и преобразуют информацию благодаря тому, что в них означивание постоянно меняющегося означаемого важнее результата этого процесса. Восприятие декларативных знаний предполагает отстраненность воспринимающего, тогда как в случае с процедурными знаниями реципиент является активным участником, соавтором их создания. Декларативные знания наличествуют, процедурные всегда находятся в процессе становления, так как они создаются восприятием дискурса, расширяя возможности его понимания. Дихотомия «декларативные :: процедурные знания» диктуется результативными и процессуальными сторонами мышления, которые не только представляют, но и преобразуют информацию.

Трудность наблюдения выводных, потенциально заложенных, но не эксплицированных в высказывании смыслов элиминируется благодаря лингвистическим индикаторам релевантности фрагментов контекста для получения таких знаний. Это связки типа *even (used as intensive to stress the comparative degree)*, *therefore (for that reason, it follows that)*, *though (despite the fact that)*, *despite (in spite of)*, *nevertheless (in spite of that, however)*, которые представляют собой следы ненаблюдаемых мыслительных операций. Диалог автора и читателя обнаруживается в расчете автора на то, что читатель способен восстановить скрытый смысл, а это доступно далеко не всякому. В таком случае выводные знания иногда объективируются и становятся доступным внешнему наблюдателю благодаря семантической редупликации: *The doctor came forward: encephalic embolism: blood clot hit the brain* (H. Robinson). *He would never be a Dickens, great artist or scientist. He would at worst be a dilettante, a drone* (J. Fowles). И тогда имплицитные смыслы соседствуют с эксплицитны-

ми, становясь частью контекста: “He calls her Circe”, Mike said. “*He claims she turns men into swine* (E. Hemingway).

Взаимодействие информации, извлекаемой из текста, с тем, что имеется в голове реципиента, — это проявление дуализма физического и ментального.

Инференция предполагает использование указаний на фоновые знания. Фразу “It was Friday, and soon all of them would be drunk” (A. Sillitoe) можно адекватно интерпретировать, если адресату известно, что рабочие предприятия получали зарплату по пятницам. В данном случае экстралингвистическая информация оказывается важнее лингвистической. Предложение “It pleased her to be seen in the dress circle, even with Andrew” (C Nairne) содержит косвенное указание на отрицательное отношение героини к Эндрю. Этим знанием мы обязаны лингвистической осведомленности вкупе с фоновой, дискурсивной информацией: билеты в бельэтаже стоят дорого. Устранение лагун в фоновых знаниях адресата предполагает обращение к гипертексту. Современный читатель «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла вряд ли знает, что такое *bathing machines*, тогда как Алиса была уверена, что на английском побережье их встретишь повсюду: *Alice had been at the sea-side once in her life, and had come to the general conclusion, that wherever you go to on the English coast you find a number of bathing machines in the sea* (L. Carroll). В комментариях к российскому изданию книги сообщается, что речь идет о небольших кабинках на колесах, запряженных лошадьми; лошади втаскивали их в воду на желаемую глубину, и затем купающиеся выходили через дверь, обращенную к морю. Огромный зонт позади кабины служил для переодевания. Это своеобразное сооружение викторианской эпохи было изобретено в 1850 г. одним квакером по имени Benjamin Bail.

Аналогичным образом понимание следующего четверостишия А. Межирова зависит от знакомства читателя с повестью Н. В. Гоголя «Нос» и с происхождением вопроса «Был ли мальчик?»:

*А в России метели и сон
И задача на век, а не на день.
Был ли мальчик? Вопрос не решен.
Нос потерянный так и не найден.*

(В романе «Жизнь Клима Самгина» М. Горького герой отправляется с двумя детьми, мальчиком и девочкой, кататься на коньках. В какой-то момент дети проваливаются в полынью и тонут. Девочку нашли, а мальчика — нет. В бессилии от бесплодных поисков один из ищущих вдруг задает вопрос, глубоко поразивший Клима: «Да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?») Выводное знание восстанавливается читателем на основании информации, накопленной на протяжении всей его предшествующей деятельности, включая знания об интертекстуальных ассоциациях, возникающих в связи с текстом, а также соотношения данного текста с прочитанными ранее.

Текстопорождение (текст от автора) не нуждается в инференциях, они возникают в голове реципиента и включаются в уже имеющиеся у него знания. (Это не значит, что автор чего-то недодумал или недосказал). Высказывание «You have seven days because you have seven days» (L. Carroll) является категорическим требованием безоговорочно выполнять указания. Это придает тексту дополнительный оттенок менасивности, который наслаивается на то, что сказано прямым текстом. Автор подразумевает нечто, читатель восстанавливает подразумеваемое (чтение «между строк») и, получив выводные знания, интегрирует их в новый текст. Любая система вербализации смысла использует знания о мире и семантическую информацию, подсказываемую фреймами, которые хранятся в памяти реципиента.

Но опыт вырабатывается под влиянием огромного количества факторов — воспитания, художественной атмосферы данной эпохи, исторических ассоциаций. В результате этого взаимодействия расширяется энциклопедический

и лингвистический кругозор адресата. Реципиент, который слышит, что NN является заслуженным тренером СССР, понимает, что NN уже не молод, хотя в тексте нет прямых указаний на возраст (СССР перестал существовать более 20 лет тому назад, а чтобы стать заслуженным, также необходимо время).

Опыт читателя не изолирован от опыта других читателей. Тем не менее личностный аспект выводных знаний у адресата каждый раз рождается и обогащается по-разному и заново. Это связано с ограниченностью опыта и предварительных знаний разных личностей и с тем, что процесс реконструкции выводных знаний не имеет твердых, раз и навсегда установленных правил: о том, что бабочка — символ быстротечности жизни, общеизвестно, но то, что ее образ связывает красоту со смертью, знает не каждый. Поэтому реконструированные разными индивидами выводные знания могут не совпадать. Полноценное общение читателя со смыслом текста невозможно без учета выводных знаний, которые должны согласовываться с антиципациями адресата и не должны противоречить логике конкретного изложения и здравому смыслу: синтагматическая последовательность «*Narry drank a piесе of paper» неприемлема потому, что противоречит здравому смыслу реципиента.

Выводные знания как конструкт когнитивной лингвистики нуждаются в проверке надежности и полноты, что предполагает непротиворечивость исходных знаний, обнаруживаемую в ходе семантического анализа контекстов, выход за рамки предложения и сопоставление с описываемой реальностью. От адресата требуется способность оценить уместность полученной информации. Оптимальная глубина, количество и качество, мера разнообразия возможных инференций зависят от пола, возраста, образования, социального статуса и пространственно-временной ориентации адресата. Читая фразу “You have broken away, gone to the tropics, become a Gauguin, a Rimbaud” (E. Waugh), образованный читатель понимает, что речь идет об артистической натуре, наделенной даром живописца и поэта.

Следовательно, уровень понимания одного и того же текста разными адресатами будет различным.

Инференции формулируются поэтапно в виде информации о предметной области, о фрейме. Адекватное понимание фразы “I said something about a camel and the eye of a needle and she rose happily to the point” (E. Waugh) предполагает, что читатель знаком с аллюзией на библейскую ситуацию “It’s easier for a camel to go through the eye of a needle than for a rich man to enter the kingdom of God” и ее коннотациями (one who trusts in wealth cannot enter the kingdom of heaven). За счет выводной информации происходит приращение смысла, который дополняет и видоизменяет имеющуюся у реципиента картину мира.

Выводные знания делают описание более экономным: оно охватывает большее число фактов с тем же самым числом принципов и правил. Происходит сокращение текстового объема, отказ от использования дополнительных лексических средств при сохранении объема самой информации. Неявные сведения — это признак оптимальности в передаче информации. Следует, однако, иметь в виду, что понимание — это цель, достижение которой не считается с законом экономии языковых усилий. Экономия языковых средств не снижает, а повышает информативность высказывания.

Необходимо различать выводные знания формально-логического и вероятностного порядка [Макаров, 2003, с. 125—126]. Мы получаем формально-логические знания с помощью умозаключений и аргументации. Таков, например, силлогизм — умозаключение, в котором из двух суждений, связанных общим средним термином, получается третье суждение, называемое выводом. Главное отличие вероятностных, филологических инференций от логических состоит в том, что филологические выводные знания не требуют развернутого логического анализа. Они опираются на явно сформулированные посылки. Гуманитарные, филологические, тезаурусные инференции касаются социально-политической, юридической, психологической и др. сфер, которые призваны дополнить логические выкладки.

Нелинейность письма сближает его с ГТ: им свойственны дискретность и нелинейность. С другой стороны, нарратив, переняв принцип структурирования смысла, используемый в ГТ, отличается от него: ГТ тиражирует знания, и в этом плане структурно и содержательно построен по некоторым стереотипам, тогда как нарративы не укладываются в стереотипные схемы, каждый имеет свою структуру и свой индивидуальный способ передачи содержания, в котором исключен принцип «предшествует — следует». В этом плане нарратив представляет собой деструкцию повествования. Смысл повествования не дискретен, в ГТ и нарративе все дискретно: это ряд примыкающих друг к другу означающих, цель которых отобразить ситуативные характеристики окружающего мира и подвижную стихию смысла.

Существует действительность и повествование о ней. Однако способы ее представления различны в повествовании и нарративе: в первом поступки мотивируются, функция каждого следующего фрагмента — вводить последующий. В него вмешивается то автор, то другие персонажи. В нем одно начало, одна середина, один конец. Нарратив свободен от таких вмешательств. В нарративе как социальной мозаике жизни описываются состояния, каждая его часть — это имперсональная регистрация видимого и слышимого компонента мира, избранные мысли, сиюминутность жизненных реалий. Но у нарратива нет функции динамического развертывания действия. Зато «кусочки опыта» в своих отдельностях становятся более выпуклыми и убедительными благодаря своей самодостаточности и независимости от макроситуаций (см. приложение 4).

ПОВЕСТВОВАНИЕ И НАРРАТИВ

Линейный способ передачи информации в повествовании соответствует поступательному движению мысли автора, который выстраивает сюжетную линию, например: «Одна курица каждый день несла по одному яичку. Хозяй-

100

ка подумала, что если больше давать корму, курица вдвое будет нестись. Так и сделала. А курица за жирела и вовсе перестала нестись» (Л. Н. Толстой). Это изображение взаимоотношений событий в том порядке, в каком они происходили. Характеристикой рассказа как лингвистического выражения повествовательных стратегий являются глаголы в прошедшем времени: *несла, подумала, сделала, за жирела, перестала*, рема предшествующего высказывания становится темой последующего. События имеют ретроспективную значимость. В нарративе эти отношения сохраняются лишь в ограниченном пространстве отдельного фрагмента. Маркером нарративности является первичность означающего и его игры. Критериями демаркации названных единиц является их способ передачи смысла: в повествовании он последователен, в нарративе случаен: понимание фрагмента «А» не нуждается в понимании фрагмента «В», поэтому они не могут быть упорядочены, их невозможно изложить в форме резюме, аннотации.

Смысловая ткань нарратива представляет собой собрание никак не направленных случайностей. Отсюда непредсказуемость развития мысли, динамика ассоциативных связей, отсутствие явного сюжета, например, в «Записках и выписках» М. Л. Гаспарова:

1) *«В тюркских языках будто бы есть время: недостоверное прошлое»;*

2) *Е.В.А. спрашивала знакомого священника, с какими грехами люди приходят на исповедь. Он ответил: «Один сказал: накричал на канарейку»;*

3) *Пастор, венчая двух непригожих молодых, напутствовал их так: «Любите друг друга, дети мои, потому что если не будет в вас взаимной любви, то кой черт вас полюбит»¹.*

Намеренное отклонение от повествовательной стратегии в сторону нарратива — это результат поиска новых

¹ URL: www.marussia.ru/gaspsrov.html

форм, имеющих целью вывод читателя из автоматизма восприятия речевого произведения, которые осознаются как новые позднее. Он отличается от повествования в первую очередь композиционной структурой. Сюжетная линия строится либо автором, либо самим читателем. Различие между повествованием и нарративом проходит по линии их структурной и содержательной *замкнутости* :: *незамкнутости*. Замкнутость повествования — это круг, незамкнутость нарратива — это лабиринт. Все фрагменты нарратива равноправны и равноценны. В нарративе как форме наблюдается комбинирование традиционных элементов с новыми, обычного с неожиданным. За этим термином стоит многовариантность бытия, спонтанность мышления. Отсюда коллажность изложения как индикатор нарратологического эксперимента. Иллюстрацией нарративной стратегии могут послужить еще несколько «Камешков на ладони» В. Солоухина:

1) *Под влиянием все убыстряющегося, все более нервного, все более бесшабашного (а вернее бы сказать, шабашного) ритма жизни на нашей планете появилась тенденция, которую иногда называют лаконизмом: вместо того чтобы написать роман, писатель скороговоркой, рублеными, бескровными, бесцветными фразами пересказывает его содержание;*

2) *Какую роскошь мог позволить себе Ч. Дарвин! Заканчивая предисловие к одной из своих основных работ, он написал: «О стиле я не заботился»! [Солоухин, 1982, с. 37].*

Мысли присущи спонтанность, нелинейность, что порождает принцип композиции, оформляющий несвязность и независимость элементов. Он был осознан Л. Стерном, Дж. Джойсом, В. Набоковым задолго до его обсуждения в литературоведении и лингвистике. Так, миссис Симко погибла в рассказе Дж. Джойса «Прискорбный случай» (The Dubliners), а погребена в «Улиссе». В XVIII в. Л. Стерн, автор «Тристрама Шенди», писал: «В книге, к которой я приступаю, я не намерен стеснять себя никакими правилами»

(т. 1, гл. 4). Не потому ли он поместил вступление лишь в 64-й главе, между VI и VII книгами своего романа?

В нарративе наблюдается сочетание последовательности и случайности. Нет сквозного сюжета, повествовательной оси. Ж. Ф. Лиотар назвал нарратив языковой игрой, где отсутствуют стабильные языковые номинации [Лиотар, 1998, с. 75]. Вместо причинно-следственных или причинно-временных связей между фрагментами в нарративе преобладают ассоциативные связи. Намеренная несвязность эпизодов допускает перестановку фрагментов, в том числе вопреки хронологическому порядку, включая ахронию, при этом их смысл для воспринимающего субъекта не изменяется, как во «Фресках» М. Яковлева:

ОНИ СИДЕЛИ НА ЗАДНЕМ СИДЕНЬЕ АВТОБУСА

Они сидели на заднем сиденье автобуса. Он смотрел в окно, отвернувшись от всех.

— Как сговорились все, подходят ко мне и хвалят-ся: Мне мой это подарил! А мне мой то! А мне мой гляди что... Одна я молчу и улыбаюсь, как дура. А что мне им сказать, что ты мне даже коробки конфет купить не смог? — говорила она. — Знаешь, как обидно было, ведь всем, всем мужья что-то подарили, одной мне, как будто я хуже всех... Скажи, я что, хуже всех, я что такая, что и конфетки не заслужила, скажи?..

Автобус шел долго, пробираясь по пустынным пригородным улочкам. Оставалось всего несколько человек в тусклом дребезжащем салоне. Я встал у задней двери, готовившись выйти. Она больше не зудела, она спала у него на плече, обхватив его за руку. Он все так же смотрел в окно, только огромная его ладонь осторожно гладила ее по голове поверх вязаной серой шапочки.

СЛАВА БОГУ

Утром в вагоне только и говорили все о том, что ночью чудом удалось избежать аварии. Он вышел покурить в

тамбур и ужаснулся, представив себе, что могло случиться с ним и его семьей прошлой ночью, в мороз, вдалеке от города... и отогнал от себя эти мысли. Глубоко затянувшись, вздохнул и улыбнулся, глядя на сверкающие снега, и сказал про себя: «Слава Богу».

И тут он вспомнил, что вчера днем он так же стоял здесь и видел в окне какую-то станцию, людей, ожидающих электрички, и среди них чью-то фигуру, сгорбленную от холода. Бродяга поди или алкаш, — подумал он тогда. А тот повернулся к их поезду, и (он это ясно видел) перекрестил несколько раз вагоны, обдавшие его снежной пылью... Он еще смотрел на этого чудика и усмехался про себя и качал головой, бывает же... Теперь же все эти события как-то естественно связались между собой. «Слава Богу», — сказал он снова. И еще раз неожиданно громко: «Слава Богу!»

ИДИОТ

Сидит в электричке человек лет четырех, смотрит в окно и чего-то там напевает. Еще он болтает ногами, досаждая этим мамочке, чем-то сильно расстроенной, сидящей напротив.

— Ты прекратишь или нет?

Он прекращает ненадолго, но он же поет, но поезд же идет, как же можно не болтать!

— Смотри, опять испачкал, идиот!

«Идиот» улыбается виновато, потом заискивающе, но на мамочку это не действует. Через некоторое время опять:

— Дрянь бестолковая!

..?! Но она же его мама, и он поджигает губы и смотрит на меня. А чем я могу помочь ему, я лишь сочувствую ему глазами и вдруг встречаю взгляд мудрейшего человека... Он опускает голову, слушая оскорбления, и вздыхает легко и мирно.

Насколько же они умнее нас!¹

¹ URL: www.zavet.ru/fr/001

При этом понимание отдельных фрагментов воспринимающим субъектом не изменяется.

Нарративы пишутся и читаются по-разному. Нарративная техника композиции присутствует и в авторской манере письма. Вот как В. В. Набоков объяснял свой творческий процесс: «Я не начинаю роман непременно с начала... Я не двигаюсь покорно от одной страницы к другой по порядку, нет, я выбираю кусочек тут, кусочек там. Пока не заполню на бумаге все пустоты. Вот почему я люблю писать рассказы и романы на справочных карточках, нумеруя их позже, когда все уже закончено. Каждая карточка переписывается по многу раз» [Набоков, 1997, с. 35]. У Э. Хемингуэя в «Системе» давно произошедшие события описываются после того, как произошло многое другое. Это художественный порядок событий, противопоставленный фабульному изложению. Временная перспектива может смещаться, и тогда прошлое мыслится как настоящее. Последовательность событий воспринимается субъективно.

Чтение текста, в том числе и нарративного, предполагает выход в мир денотатов, в ситуативный мир, который находится за текстом: «Содержание только передается при помощи языка, но находится вне его» [Степанов, 1980, с. 203]. Многообразие внеязыковой реальности («все связано со всем») стало для С. Малларме основанием для новых способов чтения, предложенных им в своей обобщающей «Книге», которую он собирался написать, но так и не написал: читатель должен был отказаться от прямонаправленного, линейного чтения в пользу чтения «одновременного». «Начинать читать можно было с начала, но также и с конца. А страницы могли меняться местами, в соответствии со сложной системой, так что все время возникали новые комбинации и сочетания смыслов. В «Книге» не было ни начала, ни конца, никакого заданного устойчивого смысла, а только смысл, находящийся в непрерывном движении, как подвижные кольца змей» [Корнель, 1999, с. 165]. Разные способы прочтения будоражат когнитивную активность

читателя, которая проявляется в определении *значимого* :: *незначимого*.

Форма накладывает отпечаток на процесс чтения нарратива: «Кончив варить и наевшись, я перетираю книги и, перетирая, между прочим, читаю их, сегодня одну, завтра — другую. Сейчас десять строчек из одной, через несколько минут — несколько строчек из другой. Сейчас из политики по-французски, затем какое-нибудь стихотворение по-итальянски, потом отрывок из какого-нибудь путешествия по-испански, наконец, какое-нибудь изречение или фрагмент по-латыни. Это я называю перебежкой из одной культуры в другую» [Вагинов, 1989, с. 145]. Вспомним, что писал А. Твардовский о поэме «Василий Теркин»: «В смысле ее построения я мечтал о том, чтобы ее можно было читать с любой раскрытой страницы» [Твардовский, 1953]. По сравнению с повествованием фрагменты нарратива имеют большую самостоятельность и лишены иерархизации. Таковы «Крохотки» А. И. Солженицына, «Записки на манжетах» А. Глущенко, «Американская азбука» А. Гениса, «Азбука» К. Метелицы, «Очень короткие истории» Х. Додерера, «Эмбрионы» и «Опавшие листья» В. Розанова, «Камешки на ладони» В. Солоухина и др. Композиционные особенности нарративного произведения оказываются важнее содержания, которое встречается и у других авторов. Чем беспорядочнее, алогичнее текст, чем основательнее нарушены традиции и вероятность событий, тем разнообразнее и обильнее информация, которую получает читатель, домысливая то, что автор не выразил прямым текстом. Такая манера письма и чтения продиктована неожиданными поворотами мысли, ее способностью быть симультанной. Каждый фрагмент («эмбрион») мог бы быть развернут в полнометражное повествование, как случилось с заметкой из судебной хроники, которую Ф. М. Достоевский использовал при написании «Преступления и наказания».

По справедливому наблюдению М. Л. Гаспарова, «коммуникативный фрагмент — это целостный отрезок речи,

который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который мог бы в случае надобности (например, чтобы объяснить механизм построения этих выражений человеку, не владеющему языком) извлечь такие правила из запаса моих метаязыковых сведений либо создать их заново»¹.

В иерархии форм исходным является гипертекстуальность, она лежит в основе нарратива, который в свою очередь находится в основании повествования. Такой вывод подсказывается особенностями, которые дают возможность идентифицировать текст как роман в одном случае и как нарратив — в другом. Речь идет о логико-тематических и причинно-следственных связях, длине произведения (оно может быть расширено за счет переключки с другими текстами или другими событиями внутри самого произведения), единстве сюжета, которые отсутствуют в нарративах. В первом случае события взаимообусловлены, последующее имеет ту же тему, что и предшествующее (если это не лирическое отступление). В нарративе сюжет не эволюционирует во времени. Таковы «Опавшие листья» В. Розанова:

КОРОБ ПЕРВЫЙ

*Я думал, что все бессмертно. И пел песни. Теперь я знаю, что все кончится. И песня умолкла.
(три года уже).*

***

Сильная любовь кого-нибудь одного делает ненужным любовь многих.

Даже не интересно.

Что значит, когда «я умру»?

Освободится квартира на Коломенской, и хозяин сдаст ее новому жильцу.

¹ URL: www.marussia.ru/gaspsrov.html

Еще что?

Библиографы будут разбирать мои книги.

А я сам?

Сам? — ничего.

Бюро получит за похороны 60 руб., и в «марте» эти 60 руб. войдут в «итог». Но там уже все сольется тоже с другими похоронами; ни имени, ни воздыхания.

Какие ужасы!

***

Сущность молитвы заключается в признании глубокого своего бессилия, глубокой ограниченности. Молитва — где «я не могу»; где «я могу» — нет молитвы.

***

Да. Смерть — это тоже религия. Другая религия.

Никогда не приходило на ум.

.....

Вот арктический полюс. Пелена снега. И ничего нет. Такова смерть.

.....

Смерть — конец. Параллельные линии сошлись. Ну, уткнулись друг в друга, и ничего дальше. Ни «самых законов геометрии».

Да, «смерть» одолевает даже математику. «Дважды два — ноль»

(смотря на небо в саду).

Мне 56 лет: и помноженные на ежегодный труд — дают ноль.

Нет, больше: помноженные на любовь, на надежду — дают ноль.

Кому этот «ноль» нужен? Неужели Богу? Но тогда кому же? Зачем?

Или неужели сказать, что смерть сильнее самого Бога? Но ведь тогда не выйдет ли: она сама — Бог? на Божьем месте?

Ужасные вопросы.

Смерти я боюсь, смерти я не хочу, смерти я ужасаюсь.

***

10 апр.

Двунаправленность взаимодействия автора и читателя продемонстрирована в книге Т. Нельсона «Литературные машины», где есть вступительная глава, несколько первых глав, одна вторая глава, несколько третьих глав. Автор предлагает читать их в следующем порядке: сначала прочитывается вступительная глава, затем любая из первых глав, затем вторая, затем любая из третьих. Если что-то остается непонятным, необходимо обратиться к другой первой главе, затем опять вторая, затем другая третья и так далее [Nelson, 1993, p. 15]. Уникальный опыт автора детерминирует избирательность того, что он излагает. Как видим, нарратив требует более искушенного читателя для восприятия нарративного конструирования реальности.

Авторы нарративов (нарраторы) представляют себе своего читателя и делают для него специальные пометы, как это сделал Т. Нельсон.

Понять повествование можно, нанизывая неизвестное на известное. Взаимосвязь между отдельными высказываниями — неперемное условие их понимания. В нарративе такое условие отсутствует.

Средоточием смысла, который вербализуется в тексте, является автор, которого называют нарратор применительно к нарративу. В нарративе текст освобождается от власти нарратора.

Прочитанное подлежит интерпретации: «текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений, главными из которых являются порождение и интерпретация» [Карасик, 2004, с. 231]. Интерпретация нужна для взаимопони-

мания, она создает включенность личности в коммуникацию. Индивидуально-личностный характер интерпретации обнаруживается в том, что в связи с несовпадением гностических диапазонов и объемов предыдущего знания для одной личности актуально одно, а для другой — другое. При этом личность не беспристрастна и в разное время реагирует на семантику и прагматику текста по-разному. Субъекту открываются новые стороны объекта, что можно видеть, если сравнить написанные в разное время предисловия к одному и тому же произведению.

Понимание и интерпретация произведения тем успешнее, чем больше соответствия между внешней репрезентацией смысла и его внутренним представлением: *Those writers whom I came to love became as flesh and blood companions, as dear friends* (Kent, 1973, p. 46).

Интерпретация затруднена в случае намеренной амбивалентности высказывания: *Charles makes love with his wife twice a week and so does John*. Сюда же следует отнести каламбуры.

Важно подчеркнуть, что лингвистические и экстралингвистические особенности описываемого в речевых произведениях нужны для интерпретации повествования и нарратива в разной степени. Число прочтений одного и того же текста и несходства между отдельными прочтениями не означают, что разброс интерпретаций безграничен. Некоторые заведомо некорректны. Все они носят асимптотический характер. Семиотическое пространство, в котором пребывает интерпретатор, это язык. Но не следует забывать, что «текст не дает конечной интерпретации — он лишь указывает границы рисуемой им картины мира» [Лотман, 1972, с. 185]. Интерпретация высказывания — это цепочки суждений о смысле высказываний, каждое последующее суждение с необходимостью учитывает суждения, сформулированные ранее. В нарративе — отдельные картинки окружающей действительности, в повествовании —

одна картина. Но их объединяет то, что и повествования, и нарративы производимы, а не воспроизводимы.

О границах между повествованиями можно судить, например, по наступлению развязки, возможности аннотирования (план содержания), с одной стороны, и композиционной законченности (план выражения) — с другой. Фрагменты как компоненты нарратива могут быть определены по резким перепадам в наборах и частотностях лексических единиц и синтаксических конструкций. Таковы «крохотки» А. И. Солженицына:

ОТРАЖЕНИЕ В ВОДЕ

В поверхности быстрого потока не различить отражений ни близких, ни далёких: даже если не мутен он, даже если свободен от пены — в постоянной струйчатой ряби, в неугомной смене воды отраженья неверны, неотчётливы, непонятны. Лишь когда поток через реки и реки доходит до спокойного широкого устья, или в заводи остановившейся, или в озерке, где вода не продрогнет, — лишь там мы видим в зеркальной глади и каждый листик прибрежного дерева, и каждое пёрышко тонкого облака, и налитую голубую глубь неба. Так и ты, так и я. Если до сих пор всё никак не увидим, всё никак не отразим бессмертную чеканную истину, — не потому ли, значит, что ещё двинемся куда-то? Ещё живём?.

НАДУЛ

(Очень древний анекдот)

Во время оно в Англии преступники, приговоренные к смертной казни, пользовались правом при жизни предавать свои трупы анатомам и физиологам. Вырученные таким образом деньги они отдавали своим семьям или же пропивали. Один из них, уличенный в ужасном преступлении, позвал к себе ученого медика и, вдоволь поторговавшись с ним, продал ему собственную особу за две гинеи. Но получивши деньги, он вдруг принялся хохотать...

— Чего вы смеетесь?! — удивился медик.
— Вы купили меня как человека, который должен быть повешен, — сказал, хохоча, преступник, — но я надул вас! Я буду сожжен! Ха-ха!

А. И. Солженицын. Крохотки

МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ЭКСПЕРИМЕНТОМ: КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВА

Идея обобщения структурно-семантических характеристик коротких художественных текстов — нарративов — высказывалась нами ранее [Шехтман, 2013]. Данная работа является продолжением ранее высказанных мыслей.

Нарративы противопоставлены другим видам речевых произведений, в первую очередь повествованиям. Единицей нарратива является относительно законченное информационное и структурное целое, самодостаточный коммуникативный фрагмент, основная идея которого может быть словесно воспроизведена вне зависимости от контекстуального окружения (Р. Барт называл такие фрагменты лексиями).

Л. Теньер уподоблял текст одной длинной строке, «нарезанной на мелкие порции ради удобства размещения на странице» [Теньер, 1988, с. 29]. В нарративе нет функции динамического развертывания действия, порядок расположения фрагментов сюжетно не обусловлен, поэтому понимание фрагмента «А» не нуждается в понимании фрагмента «В».

Нельзя создать словарь виньеток, но можно создать перечень передаваемых ими ключевых идей и смыслов: жизненные наблюдения, ситуационно-специфические версии реальности, прихотливость ассоциаций, коммуникативные барьеры, рефлексии по этим поводам.

Не следует думать, что нарратив — это хаотическое нагромождение никак не связанных случайностей: то, что казалось соположенным случайно, в конце чтения может предстать более связанным.

В нарративе нет предсказуемости событий, а причинно-следственные связи наблюдаются только внутри фрагментов, но не между ними. Однако ключевая идея создает ось, на которую нанизываются отдельные фрагменты. Эта задача выпадает на долю читателя.

Как видим, роли автора и читателя в создании и восприятии смысла текста видоизменяются. В нарративе сплетено несколько сюжетных линий, в результате чего возникает новый смысл, обгоняющий тот, который вербализован поверхностными структурами. Мысль, получив толчок, разносится в нескольких направлениях благодаря мыслительно-ассоциативным способностям реципиента, уподобляясь ризоме (от фр. *rhizome* — корневище) — потенциальной бесконечности гетерогенных сущностей, имплицитно содержащей в себе «скрытый стебель». По таким канонам написана «Темная лавочка» Ж. Перека [Перек, 2003]: это серия дневниковых записей, воспоминаний, снов, значимых пропусков (для которых введен специальный графический символ //), объединенная судьбой и именем протагониста или бытовыми деталями, как-то пропавшие в начале и найденные в конце ботинки. Циркуляция одних и тех же идей, действующих лиц или эпизодов связывает воедино то, что на первом этапе воспринимается как несвязное.

В других нарративах такую ось обнаружить не удастся: Нарратив имеет вид примыкающих друг к другу означающих, в которых регистрируются видимые и слышимые компоненты мира, как в «Записках у изголовья» Сей-Сенагон:

ТО, ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ СЕРДЦЕ СИЛЬНЕЕ БИТЬСЯ

Как взволновано твое сердце, когда случается:

Кормить воробьиных птенчиков.

Ехать в экипаже мимо играющих детей. Лежать одной в покоех, где курились чудесные благовония. Заметить, что драгоценное зеркало уже слегка потускнело. Слышать, как некий вельможа, остановив свой экипаж у твоих ворот, велит слугам что-то спросить у тебя.

Помыв волосы и набелившись, надеть платье, пропитанное ароматами. Даже если никто тебя не видит, чувствуешь себя счастливой. Ночью, когда ждешь своего возлюбленного, каждый легкий звук заставляет тебя вздрагивать: шелест дождя или шорох ветра.

ТО, ЧТО ДОРОГО КАК ВОСПОМИНАНИЕ

Засохише листья мальвы. Игрушечная утварь для кукол.

Вдруг заметишь между страницами книги когда-то заложенные туда лоскутки сиреневого или пурпурного шелка.

В тоскливый день, когда льют дожди, неожиданно найдешь старое письмо от того, кто когда-то был тебе дорог.

Веер «летучая мышь» — память о прошлом лете¹.

Безграничные возможности мысли и ограниченные ресурсы ее языковой фиксации приводят к нелинейности и видения мира, и способов его описания. Динамика смысла и статика языковых структур вынуждают авторов искать выход за рамками традиционных форм: материальные и идеальные свойства текста взаимообусловлены, но асимметричны настолько, насколько классифицирующая деятельность (дискретный язык) асимметрична коммуникативной (континуальной речи).

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ПОВЕСТВОВАНИИ И НАРРАТИВЕ

О роли времени и его месте в текстах писали неоднократно. Это обусловлено темпоральной природой человеческого существования. Смыслопорождающая активность личности обнаруживается в текстах как области бытования дискурса. В них важны и смысловое содержание, и спосо-

¹ URL : <http://lib/ru/inpoz/senagon/pillowbook.txt>

бы его передачи. Особая роль в создании дискурса отводится вербализации времени и пространства. (Под дискурсом понимается высказывание, предполагающее говорящего и слушающего, ситуацию и ее участников, место и время общения и намерение первого воздействовать на второго, иными словами, это акт социального взаимодействия.)

В традиции основным объектом исследования является повествование. В нем важнее содержание, означаемое (экспозиция времени и места действия, действующие лица), оно аккумулируется в каждом следующем абзаце. В нарративе — экспликация означаемого осуществляется средствами означающего, которое оказывается в фокусе читательского восприятия. Адресант исходит из содержания, адресат — из формы. Композиционные принципы построения произведения обусловлены отражаемой ситуацией и художественным методом автора. Отличия нарратива от повествования существенны и принципиальны благодаря тому, что хронологическая согласованность событий — характеристика повествования, но не нарратива. Реальное время однонаправленно. Как сфера приобщения к излагаемым событиям оно линейно, необратимо и референтно (даты, личности). По мнению В. Шмида, «повествование — это отбор отдельных элементов (ситуаций, лиц, действий) и некоторых из их свойств. Таким образом создается история. В отличие от безграничных событий история имеет начало и конец и обладает определенным количеством событийных элементов и их характеристик» [Шмид, 2003, с. 162], например: «*В царствование Екатерины II у некоторых приказного рода супругов, по фамилии Рыжовых, родился сын по имени Алексашка. Жило это семейство в Солигаличе, уездном городке Костромской губернии, расположенном при реках Костроме и Светице. Там, по словарю кн. Гагарина, значится семь каменных церквей, два духовные и одно светское училище, семь фабрик и заводов, тридцать семь лавок, три трактира, два питейные дома и 3665 жителей обоего пола. В городе бывают две годовые ярмарки и*

еженедельные базары; кроме того, значится «довольно деятельная торговля известью и дегтем». В то время, когда жил наш герой, здесь еще были соляные варницы» [Лесков, 1981, с. 308].

Хронологическими указателями могут служить упоминания исторического периода (см. выше зачин повести «Однодум» Н. С. Лескова) или имена собственные: *Врангель*, *Морис Торез*, *Горбачев*. Такую же роль могут выполнять бренды: кока-кола у О. Сивуна, Барби у К. Метелицы. Каждое время имеет свой инвентарь значащих средств языка, если не вербальных, то допускающих вербализацию с учетом их свободного варьирования. Индикаторы времени могут быть универсальными, известными любому носителю данной культуры («первая мировая война») или любой культуры («оливковая ветвь»). Но могут быть и такие индикаторы, которые известны лишь посвященному читателю — узкому кругу современников события, чья социализация происходила в одном и том же хронотопе. В них обозначены признаки, актуальные для определенных групп личностей («хлеб-соль», «красные и белые», «дело врачей», «оттепель» для России, хунвейбины, «площадь Тянь-ань-мынь» для китайцев). Причастность к событиям определяет адекватность и полноту понимания текста читателем. В этой роли могут также выступать прецедентные тексты.

Время измеряется не только часами, но и событиями. Линейность изложения означает их взаимосвязанность. В повествовании представлены временные, пространственные и логические, в первую очередь каузальные отношения. Хронология влечет за собой логику. В нарративе она ослаблена, хотя и не исключена. В нарративе время не линейно, оно воспринимается субъективно с возможными нарушениями реальной хронологии: события, происходящие в прошлом и будущем, могут оказаться рядом. Все это отражено в сознании, которое всегда на что-то направлено, но это «что-то» никогда не остается в покое. Отсюда постоянное движение в сознании, фиксируемое в языковых

формах. Континуум сознания может быть расчленен бесконечным числом номинаций и с новыми результатами. Хронологические связи заменяются связями ассоциативными. Каждый новый поворот мысли обновляет и реорганизует клубок ассоциаций, рождаемый новым раскладом фрагментов. Реальность — всего лишь материал для свободного конструирования ткани речевого произведения.

В пользу правомерности дифференциации нарративного и повествовательного дискурса говорит воспроизводимость, повторяемость принципа их организации, которая касается композиционных, а не содержательных особенностей речевых произведений.

Бытие окказионально, событие могло и не произойти: сказываются «неустойчивые конstellляции форм жизни» [Брокмейер, 2000, с. 39]. Неопределенность перехода от одного состояния к последующему касается либо пространства, либо времени, либо актантов (смена действующих лиц). В нарративах это обнаруживается благодаря самодостаточности блоков, каждый из которых оказывается семантически нагруженным вне зависимости от своего соседства с другими блоками. Восприятие следующего фрагмента не окрашивается свойствами, смыслом предыдущего, поэтому при чтении некоторые фрагменты могут быть опущены. Надо исходить из того, что все связано со всем и начинать описание можно с любого места. Соответственно, мы вольны читать нарратив или по своему усмотрению, или по подсказке автора.

Главной характеристикой модернистского чувства времени является безреферентность: «Ниоткуда с любовью, *надцатого марта*, дорогой, уважаемый, милая» И. Бродского, «*мартбря 86 числа*», «Некоторое число, день был без числа», «Числа не помню» Н. Гоголя, «Господа, в лето от изобретения булавки пятьсот сорок первое, в последнюю пятницу ноября, часу примерно в шестом в значительном уединении от каких-либо столиц, посреди России, а вместе с тем на берегу полноводной реки, некто нетрезво бьет в бубен» Саши Соколова «Между собакой и волком». Нарративное время не

совпадает ни с календарным, ни с художественным. Сами нарративы — не в прошлом, будущем или настоящем, а вне времени. Это проявляется и в изложении автора, и в восприятии читателя. Напрашивается аналогия с математическими текстами, в которых «время отсутствует» [Рубашкин, 1989, с. 192], а также с прописными истинами («*Волга впадает в Каспийское море*»). В нарративе преобладает ахрония. Отсюда смещение последовательности описываемых событий во времени.

Созидательный пафос нарратива — в его отношении к изображаемому. В каждом читателе пробуждается свой круг представлений, связанных с прочитанным текстом. Мы понимаем не только то, что автор сказал намеренно, но и то, что он не собирался нам сообщать. В рассказах И. Кальвино «Незримые города» верблюды и джонки соседствуют с небоскребами и радиоприемниками. Трудно сказать, какой эпохе в прошлом, настоящем или будущем принадлежат описываемые поселения. Пространственное и темпоральное многообразие не знает границ: это хаотическое погружение в мир фактов при отсутствии иерархии между ними. Линейная последовательность прошлого, настоящего и будущего приходит в противоречие с нелинейностью как ключевой характеристикой нарратива. Эта традиция берет свое начало в фольклорных зачинах типа «Жили-были», которые не являются указанием на время, равно как «В некотором царстве, в некотором государстве» не есть указание на место. Нарратив напоминает цепи Маркова: последовательности случайных событий с конечным или счетным числом исходов, характеризующиеся тем свойством, что при фиксированном настоящем будущее независимо от прошлого. В нарративе пространство и время могут быть разомкнуты. Главным объектом читательского внимания является членение семантического универсума и форма представления результата. Таковы, например, «75 довольно коротких рассказов» Л. Горалик:

НЕ СЧИТАЕТСЯ

Он потер пальцами висок, она спросила — что, голова болит? Он утвердительно опустил веки, и тогда она сказала: — Хотите, я поцелую — и у Вас все пройдет? Он изумленно уставился на нее. Она быстро отвела глаза, сделала неловкое движение рукой, — как будто попыталась убрать сказанное из разделяющего их воздуха, — и поспешно вышла из лифта.

ПАНАДОЛ

Тогда он пошел в спальню и перецеловал все ее платья, одно за другим. Но это тоже не помогло.

Я НЕ СМЕРТЬ ТВОЯ, Я НЕ СЪЕМ ТЕБЯ

Принесли еду. Он поспешно докурил, растолок окурков в пепельнице и придвинул к себе салат, увенчанный парой укропных кисточек.

— О, — сказал он, — смотри, у салата уши! Нет, не так: смотри, это холм. В нем нора. Из норы уши торчат.

Он взял вилку и подвигал. Тогда она с тоской и отчаянием поняла, что вся ее бравада не стоит и ломаного гроша, она сохранит ребенка¹.

Опыт фрагментируется и фиксируется в содержании языковых единиц. Нарратив рассчитан на духовную активность наивного или искушенного реципиента. Исходя из предположения о наличии у автора и читателя общего знания и общих импликаций, автор все-таки оставил кое-что на долю читателя. Применительно к третьему фрагменту это соображения о том, что она ждет ребенка, что он, по-видимому, отец будущего ребенка. Автор также рассчитывает на то, что читателю захочется поразмыслить над заглавиями фрагментов, на первый взгляд не имеющих ничего общего с их содержанием. Но в чем читатель уверен,

¹ URL: <http://linorg.ru/koroche.html>

что уже сказано, сужает рамки возможного развития событий. В нарративе количество концептуальных пространств равно числу фрагментов. Переход от предшествующей смысловой структуры к последующей ничем не ограничен. Автор нарратива свободен в выборе стратегии развертывания описываемых событий. Герменевтические ожидания естественны в повествовании, тогда как в нарративе нет фабульных антиципаций в силу того, что любые антиципации основаны на том, что уже свершилось. Как и во всякой цепи случайностей, прогнозирование последующего невозможно. Отсюда ситуативная неопределенность, а иногда и возврат в прошлое: «Так *когда-то* бродили они по пустой анфиладе — совсем мальчуган и <...> отец: он похлопывал по плечу белокурого мальчугана, показывая звезды» [Белый, 1988, с. 352]. Или в другом месте: «Человеческой единицей, т.е. тощею палочкой, проживал Николай Аполлонович, совершая пробеги во времени — Николай Аполлонович в костюме Адама был палочкой, он стыдился худобы, *никогда* еще ни с кем не был в бане *в вековечные времена*» [Белый, 1988, с. 498].

Действие может развиваться в настоящем, прошлом и будущем: «*В третий день третьей луны* солнце светло и спокойно сияет в ясном небе. Начинают раскрываться цветы на персиковых деревьях. Ивы в эту пору невыразимо хороши. Почки на них словно тугие коконы шелкопряда. Но распустятся листья — и конец очарованию. До чего же прекрасна ветка цветущей вишни в большой вазе. А возле этой ветки сидит, беседуя с дамами, знатный гость, быть может, старший брат самой императрицы, в кафтане «цвета вишни» поверх других многоцветных одежд. Чудесная картина!» [Сей-Сенагон]¹. Перемещение событий в одном месте не меняет ситуацию во всех остальных местах.

Время предоставляет адресанту и адресату новые возможности описания, тогда как старые начинают казаться

¹ URL: http://lib.ru/inpoz/senagon/pillow_book.txt.

неактуальными. Одинаковое читается как разное, разное читается одинаково. Некоторые фрагменты объединяются вместе, тем самым отделяясь от других множеств. Сложная мозаика фрагментов такова, что в ней нелегко выделить сквозной сюжет и доминирующую идею. Жесткий детерминизм отсутствует благодаря законченности и закрытости блоков. Нарратив благодаря погруженности в мир кросс-референтных ссылок придает изображаемому объемность и стереоскопичность. Мы перечитываем тексты потому, что наше понимание происходит «под натиском прошлого, натиском всего до нас сказанного, от которого уже никуда не денешься» [Шкловский, 1970, с. 67].

Разграничение повествования и нарратива приводит к некоторым следствиям, имеющим практическое значение. Автор нарратива обнаруживает свое стремление разнообразить способы смыслопорождения. Читатель осознает появление формы, позволяющей разнообразить способы представления содержания. В заданных условиях существования нарратива его элементы и отношения между ними воспринимаются как особый тип речевого произведения, в котором ни один из фрагментов нельзя признать главным (см. приложение № 4).

Способность быстро переключаться с одного события на другое, с одной идеи на другую организует смысл текста таким образом, что он (смысл) находится в непрерывном становлении: смысл достраивается, а иногда и создается заново. Нарратив создает субъективную картину произошедшего.

Фрагменты объединяются отрывочностью формы. В повествовании сюжет один, в нарративе их столько, сколько фрагментов. Это принципиально иные семиотические законы построения. В человеческой психике есть потребность в риске, игре случая.

Предметно-референтная ситуация в повествовании одна, в нарративе несколько. Фрагменты взаимно (не)связаны отношениями «до — после, род — вид, часть — целое». Понимание части текста не гарантирует понимания всего

текста в нарративе. Можно понять, в каком времени происходит описываемое, но не усвоить места, ситуации и т.п.

Однако не следует отделять повествования от нарративов непроходимой стеной: нарратив не отрицает законов повествования, но создает еще и свои законы. Это не нарушение норм, а новая норма.

Нарративные техники проникают в повествование и наоборот, отдельные фрагменты нарратива можно воспринимать как завершенные рассказы. Нарратив состоит из отрывков, которые могут быть пересказаны как целое. Нарративизм не разрушает текста: коммуникативные функции речевого произведения сохраняются, а эстетическое воздействие на реципиента усиливается. Можно утверждать, что нарратив — это повествование с особой структурой, которое можно читать с любого места. Он создает глубину смысла при лаконизме формы. М. Павич считал такие речевые произведения наиболее интересными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономова, Н. С. Сонеты Шекспира — переводы Маршака / Н. С. Автономова // Вопросы литературы. 1969. № 2.
- Аксаков, С. Т. Избранное / С. Т. Аксаков. СПб. : Дельфа Р. А., 1994. 408 с.
- Алефиренко, Н. Ф. Фраземосемиозис в свете когнитивно-прагматической теории текста / Н. Ф. Алефиренко, Е. И. Перехватова // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Белгород, 2011. № 18. Вып. 11. С. 5—15.
- Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 1.
- Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. Л., 1999. 443 с.
- Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. М., 1998. 896 с.
- Асмус, В. Чтение как труд и творчество / В. Асмус // Вопросы литературы. 1961. № 2.
- Ахматова, А. А. Болдинская осень (6-я глава «Онегина») / А. А. Ахматова // Вопросы литературы. 1970. № 1.
- Ахматова, А. А. Стихотворения и поэмы / А. А. Ахматова. Л. : Современник, 1989. 466 с.
- Бакина, В. И. Международный проект «Культурное наследие» / В. И. Бакина, А. К. Максимова // Вестник фак-та ин. языков СамГПУ. Самара, 2000. № 1.
- Баранов, А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста / А. Г. Баранов. Ростов-на-Дону, 1993.
- Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. / Р. Барт. М. : МГУ, 1987. С. 491—492.
- Барт, Р. Избранные работы / Р. Барт. М., 1989.
- Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собр. соч. Т. 5. М., 1996. С. 159—206.
- Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. М., 1979а. 320 с.
- Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М., 1979б. 424 с.
- Белый, А. Петербург / А. Белый. Ставрополь : Ставропольское книжное изд-во, 1988. 589 с.

Толстой, Л. Н. Три смерти / Л. Н. Толстой // Повести и рассказы. М., 1991.

Турук, Н. Ф. Пособие по переводу научно-технических текстов с английского языка на русский / Н. Ф. Турук, В. Н. Стойкова. М., 1975.

Фаулз, Дж. Волхв / Дж. Фаулз // Иностранная литература. 1993. № 8.

Флобер, Г. Госпожа Бовари / Г. Флобер. М., 1981.

Флоренский, П. А. Философия культа / П. А. Флоренский. М., 2004.

Франс, А. Полное собр. соч. Т. V / А. Франс. М., 1937. 671 с.

Харчевникова, Н. В. Применение ДСЛ-метода и квантово-химических расчетов для прогноза канцерогенности и хронической токсичности галогензамещенных алифатических углеводородов / Н. В. Харчевникова и др. // НТИ. Сер. 2. 2004. № 12.

Чайные зарисовки. Новый мир. 2011. № 11.

Черняховская, Л. А. Смысловая структура текста и ее единицы / Л. А. Черняховская // Вопросы языкознания. 1983. № 6.

Чехов, А. П. Избр. соч. : в 2-х т. Т. 1 / А. П. Чехов. М., 1979.

Чехов, А. П. Переписка / А. П. Чехов. М. : Худож. лит., 1984. 440 с.

Шарый, А. Мы как герои. Герои как мы / А. Шарый // Иностранная литература. 2010. № 6. С. 204.

Шехтман, Н. А. Выводные знания как компонент смысловой структуры текста / Н. А. Шехтман // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 7. Нижний Новгород. 2012. С. 270—274.

Шехтман, Н. А. Гипертекст и семантическое обновление текста / Н. А. Шехтман // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 3, Филология. 2005а. № 3. С. 171—181.

Шехтман, Н. А. Лингвокультурные аспекты понимания / Н. А. Шехтман // Филологические науки. 2002а. № 2.

Шехтман, Н. А. О роли гиперссылок в комментариях к научному и художественному текстам / Н. А. Шехтман // НТИ. Сер. 2. 2007. № 9.

Шехтман, Н. А. Повествование и нарратив: опыт дифференциации / Н. А. Шехтман // Человек. Язык. Культура. Киев, 2013. С. 383—389.

Шехтман, Н. А. Понимание речевого произведения и гипертекст / Н. А. Шехтман. Оренбург, 2005б.

- Шехтман, Н. А. Понимание речевого произведения и гипертекст / Н. А. Шехтман. М., 2009.
- Шехтман, Н. А. Социокультурные компоненты гипертекста / Н. А. Шехтман // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2002б. № 2. С. 32—34.
- Шкловский, В. Б. Энергия заблуждения / В. Б. Шкловский. М., 1981.
- Шкловский, В. Тетива. О несходстве сходного / В. Шкловский. М. : Советский писатель, 1970. 375 с.
- Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. М. : Языки славянской культуры, 2003. 315 с.
- Щедровицкий, Г. П. Коммуникация, деятельность, рефлексия / Г. П. Щедровицкий // Исследование речемыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974.
- Эко, У. Имя розы / У. Эко. М., 1989.
- Эко, У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / У. Эко. СПб., 2004.
- Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах / У. Эко. СПб. : Симпозиум, 2002. 288 с.
- Эшби, У. Введение в кибернетику / У. Эшби. М., 1959.
- Яacobсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Яacobсон // Структурализм: за и против. М., 1975.
- Яковлев, М. Л. Фрески [Электронный ресурс] / М. Л. Яковлев. URL: www.zavet.ru/fr/001.
- Abrahams, M. H. et al. The Norton Anthology of English Literature. N. Y. 1993. [Электронный ресурс] / М. H Abrahams. URL: <http://eliotswasteland.tripod.com/notes.html>, дата доступа: июнь 2010.
- Carroll, L. Through the Looking Glass and What Alice Found There / L. Carroll. Moscow : Progress publ., 1966. 229 p.
- Dijk van, T. A. Discourse as Structure and Process / Dijk van T. A. L., 1998.
- Dreiser, Th. Sister Carrie / Th. Dreiser. M., 1953.
- Eliot, T. S. The Waste Land. 1922 [Электронный ресурс] / T. S. Eliot. URL: <http://eliotswasteland.tripod.com/twl.html>
- Fox, E. A. Digital library / E. A. Fox, R. ML. Akscyn, R. K. Futura // Comm. of the ACM. 1995. Vol. 8. № 4. Pp. 23—28.
- Hirsch, Ed. Jr. Cultural Literacy What Every American Needs to Know / Ed. Jr. Hirsch. N. Y., 1988. 252 p.
- Izotov, A. I. American Cultural Literacy Phenomena in the Mirror of Chech National Corpus / A. I. Izotov. M., 2010.

Jacobson, R. On linguistic Aspects of Translation / R. Jacobson. Cambridge, 1959.

Joyce, J. Ulysses. Chapter 3. 1922 [Электронный ресурс] / J. Joyce. URL: <http://www.lib.ru/DVOJS/Ulysses.txt>, дата доступа — январь 2009.

Kent, R. It's me O Lord / R. Kent. М., 1973.

Labow, W. Oral versions of personal experience: three decades of narrative analysis / W. Labow, J. Waletzky // Special volume of a journal of narrative and life history. 1997. Vol. 7.

Nelson, T. Literary Machines. Sansalito. 1993 [Электронный ресурс] / T. Nelson. URL: <http://www.sociojournal.ru/article/386>.

Pasternak, B. Doctor Zhivago / B. Pasternak. London, 1962.

Townsend, S. Adriane Mole and the Weapons of Mass Destruction / S. Townsend. London, 2004.

Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics. The semantics of Human Interaction / A. Wierzbicka. N.Y., 1991.

Словари и справочники

Алехин, Л. Словарь иностранных слов / Л. Алехин. М., 1988.

Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. М., 1966.

Большая советская энциклопедия. М., 1951.

Большая советская энциклопедия. М., 1979.

Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. М., 2005.

Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. М., 1996.

Новая популярная энциклопедия: История отечества. М., 2000.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. М., 1984.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 1992. 955 с.

Павленков, Ф. Энциклопедический словарь / Ф. Павленков. СПб., 1899.

Постмодернизм: энциклопедия. Минск : Интерпресс-сервис, 2001.

Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. М. : Аграф. 1999.

Советский энциклопедический словарь. М., 1979.

- Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Д. Н. Ушаков. М., 1935.
- Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 1998.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.
- Cambridge International Dictionary of English. Cambridge Univ. Press, 1995.
- Collins COBUILD English Language Dictionary. L.. 1990.
- The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford Univ. Press, 1995.
- Dictionary of Cultural Literacy. Ed. Hirsch Jr. Boston, 1988.
- Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Ltd, 2007.
- Merriam-Webster Dictionary. N.Y., 1974.
- Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. Penguin, 1979.
- Shorter Oxford English Dictionary. L., 2002.

Артемий Лебедев

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ГИПЕРТЕКСТА^{1*}

1. Первой системой гипертекста принято считать толкование на Книгу псалмов Гильберта Порретанского из Пуатье (около 1150 г. н. э.).

2. Специальные пометки на полях отсылали читателя на страницы в других местах книги.

3. Не хватало только компьютера, чтобы гиперссылками стало удобно пользоваться.

4. Первая теория автоматизации этого процесса принадлежит Ванневару Бушу, который представлял гипертекстовую систему в виде машины, оперирующей микрофишами (микрофотопленками).

5. В 1945 г. Буш описал эту так никогда и не созданную машину, назвав ее «мемексом».

6. Разумеется, ни о какой возможности перехода запроса от одного «Мемекса» к другому не было речи — машина была задумана в виде автономного письменного стола.

7. Собственно термин *гипертекст* был впервые употреблен Тедом Нельсоном в описании созданной им системы «Ксанаду».

8. В 1972 г. была представлена система визуализации «параллельных документов» и возможность представить ссылки и связи наглядно.

9. А первым на практике использовал гипертекст Дуглас Энгельбарт (отец мыши) в 1968 г.

10. Большой вклад в развитие гипертекстовых систем внесла фирма Apple — ее продукт под названием HyperCard с середины 1980-х и до начала эпохи WWW использовал

¹ URL: www.artlebedev.ru/kovodstvo/54

* Для удобства читателей предложения пронумерованы.

принципы гипертекста, послужив основой для многих систем гипертекстовой помощи и определив основные инструменты навигации веб-браузеров.

11. Большинство основополагающих изобретений и идей остались нереализованными или плохо реализованными в современных браузерах (которые, собственно, сегодня определяют массовое представление о гипертексте).

12. Стоит признать, что со времен эпохи Возрождения мало что изменилось в смысле потраченного на разметку документов времени — если вам нужно составить хороший гиперссылочный аппарат, потрудиться придется не меньше, чем Гильберту.

13. Зато навигация происходит теперь немного быстрее.
(Всего 228 слов)

ГИПОтексты К ТЕКСТУ АРТЕМИЯ ЛЕБЕДЕВА¹

1. Адрес, (IP) адрес — (Internet Protocol) адрес, уникальный идентификатор, устройство компьютера, подключенного к локальной сети или Интернету.

2. Байт — единица измерения количества информации, обычно равная 8 битам; это минимальная последовательность фиксированного числа битов.

3. Баннер — прямоугольное графическое изображение (в формате GIF или JPG), создаваемое для рекламирования вашего сайта на просторах Интернета. Баннер имеет гиперссылку на ваш сайт.

4. Бит — базовая единица измерения количества информации, равная количеству информации, содержащемуся в опыте, имеющем два равновероятных исхода. Это тождественно количеству информации в ответе на вопрос, допускающий только ответы «да» и «нет» (т. е. такое количество информации, которое позволяет однозначно ответить на поставленный вопрос). В одном двоичном разряде содержится 1 бит информации.

5. Браузер — программное обеспечение для просмотра веб-сайтов, т. е. для запроса веб-страниц из паутины, для их обработки и вывода и для реализации перехода с одной страницы на другую.

6. Веб-сайт — совокупность веб-страниц, доступных в Интернете через протоколы HTTP/HTTPS. Страницы веб-сайта объединены общим корневым адресом, а также обычно темой, логической структурой, оформлением и/или авторством (не путать с хостом, сервером); это комплексное приложение для обработки и вывода разных составляющих веб-страницы и для представления интерфейса между веб-сайтом и его посетителем.

---

¹ Для удобства читателей предложения пронумерованы.

7. Веб-страница — гипертекстовый ресурс всемирной паутины, обычно написанный на языке HTML. Она может содержать ссылки для быстрого перехода на другие страницы, а также изображения. Программа, демонстрирующая веб-страницу, называется веб-браузером. Кроме текста и изображений веб-страница может содержать медиафайлы, а также скрипты, позволяющие делать содержание страницы динамичным. Несколько веб-страниц, объединенных общей темой и дизайном, а также связанных между собой ссылками и обычно находящихся на одном веб-сервере, образуют веб-сайт.

8. Гиперссылка — фрагмент документа, указывающий на другой файл и содержащий путь к этому файлу.

9. Гипертекст — форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними. Следуя этим связям, можно читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты.

10. Интерфейс — основа взаимодействия всех информационных систем, совокупность средств, при помощи которых пользователь общается с различными устройствами.

11. Клиент (в информационных технологиях) — аппаратный или программный компонент вычислительной системы, посылающий запросы серверу.

12. Клик — положительная реакция пользователя на предлагаемый его вниманию баннер или гиперссылку, выражаемая нажатием кнопки мыши.

13. Медиафайл — цифровой аудио- или видеофайл, записанный в формате WAV, AVI, MR3 и сохраненный на жестком диске или сервере.

14. Мемекс (memory extender) — расширитель памяти.

15. Микрофиша — документ в виде микроформы на прозрачной форматной пленке с последовательным расположением кадров.

16. Навигация — строка со ссылками, соответствующими иерархии структуры сайта. Ею следует пользоваться, когда присутствует лексическая вложенность содержания.

17. Паутина — WWW (world wide web); глобальное информационное пространство, основанное на физической структуре Интернета и протоколе передачи данных HTTP.

18. Сервер (в информационных технологиях) — программный компонент вычислительной системы, выполняющий сервисные функции по запросу клиента, предоставляя ему доступ к определенным ресурсам.

19. Файл — единица организации информации на логическом диске. Файлы содержат какую-либо конкретную объективную программу, часть базы данных, тексты, прочие данные. К характеристикам файла относятся его имя, расширение имени, объем содержащейся в файле информации в байтах, файловые атрибуты, время и место, последние модификации.

20. Хост — любое устройство, представляющее сервис формата «клиент — сервер» в режиме сервера по какому-либо интерфейсам и уникально определенное на этих интерфейсах.

21. Энгельбарт Дуглас (род. в 1925 г.) — один из первых исследователей человеко-машинного интерфейса и изобретатель компьютерного манипулятора — мыши; работал в области гипермедиа.

22. WWW (world wide web) — всемирная глобальная паутина.

ПРИМЕР МНОГОСТУПЕНЧАТОГО ГИПЕРТЕКСТА

Ниже приведены отрывок из повести В. Аксенова «Затоваренная бочкотара» (цит. по: В. Аксенов. Рандеву: повести, рассказы. М., 1991. С. 116.) и ряд необходимых гипотекстов, поясняющих читателю, каковы тематические рамки исходного текста, что свидетельствует о времени и месте действия, действующих лицах, авторском отношении к описываемым событиям и т. д. (гипотексты основаны на книге: Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2005). Слова, нуждающиеся в комментарии, в текстах подчеркнуты. Социальный смысл отсылки к другим дискурсам состоит в том, чтобы помочь читателю почувствовать иронию, которой наполнена повесть В. Аксенова.

Исходный текст

В Туапсе я иду, умный мальчик, к своей единственной сестрице. Проститься хочу с ней перед смертью.

Вот характер, Сережа, обрати внимание. Ведь это же Сцевола, — обратился Глеб к своей подруге.

— Скажи, Глеб, а ты смог бы, как Сцевола, сжечь все, чему поклонялся, и поклониться всему, что сжигал? — спросила Ирина. Потрясенный этим вопросом, Глеб закашлялся.

<...>

— Мы, кажется, немного знакомы.

— А я думал, не узнали, — улыбается проводник.

— Телескопов Володя?

— Холодно, холодно, — улыбается он.

— Дрожжинин, что ли?

— Тепло, тепло, — смеется он. Пристально вглядывается.

— Иринка, ты?

— Почти угадали, но не совсем. Моя фамилия Сцевола.

— А, это вы? — воскликнул я, — Однако ручки у вас обе целы. Выходит, миф, треп, легенда?

— Обижаешь, — говорит Сцевола, — Подумаешь, большое дело руку сжечь.

Тут же Сцевола чиркает зажигалкой, и фланелька на руке начинает пылать. Поднимает горящую руку, как Олимпийский факел, и бежит по темной аллее.

Гипотексты

1-я ступень поиска: Сцевола; сжечь все, чему поклонялся, и поклониться всему, что сжигал.

Сцевола Гай Муций (буквально — левша) — в Древнем Риме легендарный герой времен борьбы римлян против этрусков (конец VI — начало V в. до н. э.). Согласно преданию, юноша Гай Муций должен был пробраться в лагерь этрусков и убить царя Порсену. Однако он был схвачен. Порсена угрожал ему жестокими пытками и требовал выдать сообщников. Желая показать, как мало он боится боли и смерти, Муций сам опустил правую руку в огонь и не издал ни единого звука, пока тлела рука.

Сжечь все, чему поклонялся, и поклониться всему, что сжигал (о нелегком расставании с прошлым, о перемене убеждений, принципов).

Это фраза из предания об основателе Франкского государства короле Хлодвиге (ок. 466—511), который принял христианство в 496 г. Легенда гласит, что король, будучи на грани поражения в битве при Тольбиаке, в отчаянии молился Богу своей жены Клотильды, которая уже была христианкой, хотя сам он оставался язычником. Одержав победу в этом сражении, король окончательно уверовал в Христа и принял христианство. И когда архиепископ Ремигий совершал над королем обряд крещения, он сказал Хлодвигу: «Поклонись тому, что сжигал, и сожги то, чему поклонялся».

В России это выражение стало популярным после того, как вышел в свет роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо», где один из героев, Михалович, читает стихи, в которых содержится эта фраза. Раньше она встречалась в статье поэта Петра Вяземского «Взгляд на русскую литературу после смерти Пушкина» (1847).

2-я ступень поиска: этруски, Порсена, Вяземский.

Этруски — древние племена, населявшие в I тысячелетии до н. э. северо-запад Аппенинского полуострова (область древней Этрурии, современная Тоскана) и создавшие развитую цивилизацию, предшествовавшую римской и оказавшую на нее большое влияние. Происхождение этрусков не выяснено. В конце VII в. объединились в союз 12 городов-государств, около VI в. овладели Кампанией. В V—III вв. до н. э. покорены Римом.

Порсена — царь этрусского города Клузий. По преданию, воевал с Римом в 509—507 гг. до н. э. за восстановление этрусской династии Таризиниев, изгнанных из Рима ок. VI в. до н. э.

Вяземские — русский дворянский и княжеский род, происходит от князя Ростислава Смоленского, внука Владимира Мономаха. Петр Андреевич Вяземский — поэт и критик, член Государственного совета.

3-я ступень поиска: Кампания.

Кампания — побережье юга Италии, где расположены знаменитые города Неаполь, Помпеи, Сорренто.

В. Солоухин

КАМЕШКИ НА ЛАДОНИ

Лучше всего исполнять какую-либо должность можно тогда, когда не боишься ее потерять.

Любовь, несомненно, болезнь, изученная меньше всех болезней и даже, может быть, совсем не изученная. Как и в результате каждой болезни, у человека возникает невосприимчивость. Иммуитет, Тяжелой формой любви человек болеет один-два раза, в остальном дело обходится более легкими формами.

Женя Винокуров рассказал мне, что когда он был в Гималаях, то посетил индийского прорицателя. Тот напроицал ему жить до 80 лет. Когда Женя уже уходил, его догнал озабоченный слуга прорицателя. — Хозяин просил сказать, что за автомобильные и авиационные катастрофы он не отвечает.

Искусство — как поиски алмазов. Ищут сто человек, а находит один. Но этот один никогда не нашел бы алмаза, если бы рядом не искало сто человек.

Даниил Хармс

ВСТРЕЧА

*Вот однажды один человек пошел на службу,
да по дороге встретил другого человека,
который, купив польский батон, направлялся к
себе восвояси.*

Вот, собственно, и все.

-----

*Достоевский пришел в гости к Гоголю. Позвонил.
Ему открыли. «Что вы, — говорят,
— Федор Михайлович, Николай Васильевич уже
лет пятьдесят как умер». «Ну, что ж, — подумал*

*Достоевский, — царство ему небесное.
Я ведь тоже когда-нибудь умру».*

-----

*Однажды Пушкин стрелялся с Гоголем. Пушкин
говорит: «Стреляй первый ты. — Как я?
Нет, ты! — Ах, я? Нет ты!» Так и не стали
стреляться.*

-----

*Однажды Пушкин написал письмо Рабиндранату
Тагору. «Дорогой далекий друг, — писал
он, — я Вас не знаю, и Вы меня не знаете.
Очень хотелось бы познакомиться. Всего хорошего.
Саша». Когда письмо принесли, Тагор
предался самозерцанию. Так погрузился,
хоть режь его. Жена толкала-толкала, письмо
подсовывала — не видит. Так и не познакомились.*

Х. Додерер

ОЧЕНЬ КОРОТКИЕ ИСТОРИИ

*Преподаватель предлагает всем положить рефераты
к нему на стол стопкой, дабы никто не шуришал бумажска-
ми, и спокойно рассестся по партам, дескать, он будет
вызывать по одному. Далее вызывается студент, садит-
ся перед преподам. Работа кладется титульником вниз, и
студенту задается вопрос: «Назовите тему вашей рабо-
ты»... Полгруппы «ушло» сразу.*

*Жил-был человек, и у него правый глаз был стеклян-
ный. Приходит он как-то к окулисту, тот его сажает
перед табличкой и говорит: — Закройте правый глаз! Че-
ловек ему отвечает: — А у меня правый — стеклянный. —
Ну, тогда закройте левый...*

ФАТУМ

Она была еще молода, недурна собой, она была здоровая, ядреная, жизнерадостная. Ну и что? Должна быть какая-то заковыка, иначе не получится истории. На службе ее ценили, она пользовалась симпатией дам из числа клиентуры, ей нравилась ее работа в современном светлом, проветриваемом помещении с белыми кафельными стенами. Ну, да что говорить... Она познакомилась с молодым человеком, милый парень, вполне приличный и порядочный, и работу тоже имел постоянную. Сначала они два-три раза встречались в парке. О чем бишь я? Ах да. На третий раз он ее участливо так спрашивает, дескать, какая у вас профессия. «Работаю в общественной уборной», говорит. А потом задумалась на некоторое время, глядя вдаль, и добавила: «На главном вокзале». «Не пойдет», — говорит он и в тот же миг покидает ее навсегда.

В. Розанов

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Смерть «бабушки» (Ал. Адр. Рудневой) изменила ли что-нибудь в моих соотношениях? Нет. Было жалко. Было больно. Было грустно за нее. Но я и «со мною» — ничего не переменилось. Тут, пожалуй, еще больше грусти: как смело «со мною» не перемениться, когда умерла она? Значит, она мне не нужна? Ужасное подозрение. Значит, вещи, лица и имеют соотношение, пока живут, но нет соотношения в них, так сказать, взятых от подошвы до вершины, метафизической подошвы и метафизической вершины? Это одиночество вещей еще ужаснее.

Итак, мы с мамой умрем и дети, погоревав, останутся жить. В мире ничего не переменится: ужасная перемена настанет только для нас. «Конец», «кончено». Это «кончено» не относительно подробностей, но целого, всего — ужасно.

А. Солженицын. Крохотки

Только вернувшись в Россию, я оказался способен снова их писать, там — не мог...

(из письма в “Новый мир”)

ЛИСТВЕННИЦА

Что за диковинное дерево! Сколько видим её — хвойная, хвойная, да. Того и разряду, значит? А, нет. Приступает осень, рядом уходят лиственные в опад, почти как гибнут. Тогда — по соболезности? не покину вас! мои и без меня перестоят покойно — осыпается и она. Да как дружно осыпается и празднично — мельканием солнечных искр.

Сказать, что — сердцем, сердцевиной мягка? Опять же нет: её древесная ткань — наинадёжная в мире, и топор её не всякий возьмёт, и для сплава неподымна, и покинутая в воде — не гниёт, а крепится всё ближе к вечному камню.

Ну, а возвратится снова, всякий год как внезапным даром, ласковое тепло, — знать, ещё годочек нам отпущен, можно и опять зазеленеть — и к своим вернуться через шелковистые иголки.

Ведь — и люди такие есть.

МОЛНИЯ

Только в книгах я читал, сам никогда не видел: как молния раскалывает деревья.

А вот и повидал. Из проходившей грозы, среди дня — да ослепил молненный блеск наши окна светлым золотом, и сразу же, не отстав и на полную секунду — ударище грома: шагов двести-триста от дома, не дальше?

Минула гроза. Так и есть: вблизи, на лесном участке. Среди высочайших сосен избрала молния и не самую же высокую липу — а за что? И от верха, чуть ниже маковки, — прошла молния повдоль и повдоль ствола, через её живое и в себе уверенное нутро. А иссялась, не дошла до низа — соскользнула? иссякла?.. Только земля изрыта близ под-

палённого корневища, да на полсотни метров разбросало крупную щепу.

И одна плаха ствола, до середины роста, отвалилась в сторону, налегла на сучья безвинных соседок. А другая — ещё подержалась денёк, стояла — какую силой? — она уж была и насквозь прорвана, зияла сквозной большой дырой. Потом — и она завалилась в свою сторону, в дружелювный развилок ещё одной высокой сестры.

Так и нас, иногов: когда уже постигает удар кары-совести, то — через всё нутро напрострел и через всю жизнь вдоль. И кто ещё состоится после того, а кто и нет.

М. Яковлев. Фрески

БЕЛЯНКА

Бывают же на свете собаки. И не просто собаки, а собачи...

По сей день для меня загадка: чем мы приглянулись друг другу? Она — из стаи собак-побирушек, белая, с густой овечьей шерстью, словом Белянка. Поначалу я не отмечал кого-либо из них, и если была возможность, оделял их сухариками поровну. Как-то раз, из всей этой братии, она одна привстала на задних лапах и потянулась не к лакомству (которого у меня не было в тот раз), а ко мне. Я погладил ее. И с тех пор она стала моей Белянкой. Едва завидев меня, несется она навстречу, и не описать, как она, сперва забежав вперед и опустив низко морду, начинает вилять своим тельцем, взглядывая на манер деревенской кокетки, но потом, не выдержав, все же встает на лапы и уже ластится от души. Впрочем, и я радуюсь не меньше.

Со временем я убедился, что ею движет именно приязнь ко мне, а не чувство голода. Метров двадцать-тридцать мы идем вместе, затем она вежливо отстает, и как я благодарен ей за это: у меня ведь нет возможности взять ее к себе в дом. Иной раз иду намного позднее обычного, все равно — и встретит меня, и проводит. Такая

собача. Позавчера вдруг не ткнулась ко мне, а отбежала опасно. Вижу на голове у нее запеклась кровь. Весь день переживал и думал о том, что вот тот человек в ее глазах был таким же, как я. И ударил. Сегодня, слава Богу, наши отношения восстановлены! Должна быть хотя бы одна душа на свете, которая ждет тебя каждый день. (И почему не бывает у нас любви без тревоги? Увидимся ли мы завтра?)

СНЕГ

С утра шел снег. Невероятно белый и плавный. Как давно она, оказывается, ждала этого, как подставила ему измученные тело свое... Мы все забыли, что она — живая, но сейчас нельзя не слышать протяжный выдох ее: «Уйдите, люди! Уберите свои дурацкие машины, самолеты и поезда... Побудьте где-нибудь, хоть пару часов, хотя бы на полчаса дайте.. сил нету-у!»

Тихо и чисто, как в больничной палате. Я вышел за хлебом и сразу понял, что мы тут лишние. Оказывается бывают минуты, когда человек не хозяин, не царь, не бог. Ему лучше сидеть дома. Аминь.

Научное издание

Шехтман Нахим Абрамович

От повествования к гипертексту и нарративу

Монография

Редакторы Р. Д. Иванченко, В. А. Котунова, И. Н. Рожков
Компьютерная верстка Г. Г. Князевой

Подписано в печать 26.05.2014 г.

Усл. печ. л. 8,5

Тираж 100 экз.

Заказ 61

Издательство Оренбургского государственного педагогического
университета. 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19